

Простушка

Автор:

[Коди Кеплингер](#)

Простушка

Коди Кеплингер

Виноваты звезды

Бьянке Пайпер семнадцать лет. Она умна, у нее прекрасное чувство юмора, а еще она знает, что далеко не так привлекательна, как ее сногшибательные подруги. И ей абсолютно не грозит попасть в сети, которые раскинул школьный плейбой Уэсли Раш. Бьянка ненавидит этого самодовольного нахала, а он дразнит ее и безмерно раздражает.

Но почему-то только друг с другом они забывают о своих проблемах, только друг другу могут рассказать о своей настоящей жизни. Сопrotивляться настоящим чувствам бесполезно, и Бьянка понимает, что влюбилась в парня, которого терпеть не могла.

Коди Кеплингер

Простушка

Посвящается Адже, чей день рождения принес удачу нам обеим

Kody Keplinger

The DUFF

Copyright © Kody Keplinger, 2010

Cover Art © 2015 CBS Films Inc. All Rights Reserved

© Ю. Змеева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Как же мне это надоело.

Кейси и Джессика снова выставили себя полными дурами, вихляя пятой точкой, как танцовщицы из рэперского видеоклипа. Но парни как раз на такое и ведутся. Я чувствовала, что каждая лишняя минута, проведенная тут, действует на меня отупляюще, и в тысячный раз за вечер задалась вопросом, зачем вообще разрешила им затащить себя в эту дыру.

Каждый раз, когда мы приходили в «Гнездо», ситуация повторялась. Кейси и Джессика танцевали, флиртовали, привлекали внимание парней в радиусе досягаемости, пока ответственная лучшая подруга – то есть я – не утаскивала их оттуда прежде, чем озабоченные самцы успевали начать их лапать. Но до того момента я сидела за барной стойкой и трепалась с Джо, тридцатилетним барменом, рассуждая о том, «какая нынче пошла молодежь».

Думаю, Джо обиделся бы, скажи я ему, что самой главной проблемой было это проклятое место. Когда-то «Гнездо» – это действительно был бар, однако три года назад из него сделали клуб для малолеток. От прежнего места осталась расшатанная дубовая барная стойка, но теперь Джо разливал кока-колу, а детишки танцевали или слушали живые концерты. Я терпеть не могла это место по той простой причине, что, попадая сюда, мои подруги начинали вести себя совершенно по-дурацки, хотя в остальное время все-таки иногда включали мозги. Правда, в своем помешательстве они были не одиноки. В выходные здесь тусовалась половина нашей школы, и никому из учеников «Хэмилтон Хай» не

удавалось уйти из «Гнезда», не опозорившись по полной программе.

Но я честно не понимала: в чем прикол. Танцевать под одну и ту же техно-долбежку каждые выходные? Та еще радость. Может, и мне подкатить, скажем, вон к тому потному озабоченному дятлу из футбольной команды? Потремся друг о друга и по ходу обсудим политические и философские проблемы. Бр-р. Даже думать противно.

На соседний табурет взгромоздилась Кейси.

- Пошла бы с нами потанцевала, Би, - запыхавшись от своей пляски-тряски, выпалила она. - Там круто!

- Не сомневаюсь, - буркнула я.

- Ой, мамочки! - Вот и Джессика присела по другую сторону от меня, перекинув через плечо свой медово-золотистый хвост. - Видели? Нет, вы видели? Гаррисон Карлайл ко мне клеился! Видели, видели? Ох, мамочки!

Кейси закатила глаза.

- Он тебя спросил, где ты туфли купила. Джесс, он же гей.

- Не может такой красавчик быть геем!

Кейси пропустила ее слова мимо ушей и провела рукой за ухом, словно убирая невидимые пряди. Привычка осталась у нее с того времени, когда у нее были длинные волосы. Сейчас она носила модную стрижку под мальчика.

- Би, потанцуй с нами. Мы тебя сюда привели, чтобы с тобой пообщаться. Джо, конечно, отличный собеседник, - подмигнула она бармену, видимо, надеясь, что ей перепадет бесплатное угощение. - Но мы же твои подруги. Ты должна с нами танцевать. Скажи, Джесс?

- Точняк, - ответила Джесс, не сводя глаз с Гаррисона Карлайла, который сидел в кабинке на противоположном конце зала. Потом встрепенулась и повернулась к нам. - Погоди. Что? Я прослушала.

- Би, видно же, что ты скучаешь. Хочу, чтобы и тебе было весело.

- Да все у меня в порядке, - соврала я. - Мне очень весело. А танцевать я не умею, вы же знаете. Только мешать буду. Идите, оторвитесь на полную катушку. А мне и тут хорошо.

Кейси прищурилась и посмотрела на меня своими зелено-карими глазами.

- Точно? - спросила она.

- Точно.

Она нахмурилась, но уже через секунду пожала плечами, схватила Джессику за руку и потащила на танцпол.

- Черт! - закричала Джессика. - Не гони, Кейс! Ты мне руку оторвешь! - И они направились в центр зала, покачивая бедрами в такт пульсирующему техно.

- Почему не сказала, что тебе тут совсем не нравится? - спросил Джо, подталкивая ко мне стакан вишневой колы.

- Вовсе нет, - ответила я.

- Ну, врать ты не умеешь, - успел сказать он и отправился обслуживать компанию десятиклассников,[1 - В США старшая школа - это обычно классы с 9 по 12 или с 10 по 12-й. Учащихся в 9 классе называют «первокурсниками», в 10-м - «второкурсниками» и так далее. Таким образом, первый год в старшей школе - это 9 или 10 класс (в зависимости от штата).] которые уже выкрикивали заказы с другого конца стойки.

Я потягивала вишневую колу и смотрела на часы. Минутная стрелка будто застыла - втайне я надеялась, что она сломана. Раньше одиннадцати никак нельзя было просить Кейси и Джессику уйти. Иначе решат, что я зануда и всю вечеринку им испортила. Но на часах не было еще и девяти, а у меня уже разболелась голова от музыки и вспышек стробоскопа. Ну давай же, минутная стрелка! Шевелись!

- Привет.

Я закатила глаза и повернулась, чтобы одарить незваного гостя уничтожающим взглядом. Время от времени случалось и такое. Какой-нибудь парень, как правило, насквозь обкуренный или пропотевший, садился рядом и предпринимал вялую попытку завести со мной светскую беседу. С наблюдательностью у этих персонажей явно были проблемы: выражение моего лица ясно говорило, что прекрасного принца я здесь не жду.

Как ни странно, на этот раз от севшего рядом не воняло ни травкой, ни по?том. Кажется, я даже уловила запах одеколona... Но потом поняла, кому этот одеколон принадлежит, и мое отвращение только усилилось. Уж лучше бы ко мне подсел укурок или вонючка!

Уэсли Раш. Поганный Уэсли Раш.

- Что тебе? - буркнула я, даже не пытаюсь быть вежливой.

- Чего это мы такие хмурые? - саркастично проговорил Уэсли. - Вообще-то, я с тобой поговорить хотел.

- Не повезло. Я сегодня не настроена вести беседы. - Я громко отхлебнула из стакана, надеясь, что он поймет мой прозрачный намек и отвалит. Но нет. Его темно-серые глаза так и шарили по мне. Он даже не делал вид, что смотрит мне в лицо! Ну что за дрянь.

- Да ладно тебе, - протянул Уэсли. - Не будь такой злокой.

- Оставь меня в покое, - процедила я. - Иди опробуй свое обаяние на какой-нибудь дурочке с низкой самооценкой, на меня твои уловки не действуют.

- Дурочки меня не интересуют, - отвечал он, - у меня другие вкусы.

- Уэсли, любая, кто согласится говорить с тобой даже минуту, и есть круглая дура, - фыркнула я. - Те, у кого есть хоть капля вкуса, стиля и достоинства, и не посмотрят в твою сторону.

Хм. Ну допустим, тут я немного приврала.

Уэсли Раш, конечно, был отвратительным бабником, и сам факт его существования отравлял воздух в стенах «Хэмилтон Хай», но он красавчик, и с этим не поспоришь. Вот если бы еще как-то можно было заставить его молчать... и отрубить ему руки... тогда он стал бы вполне сносным парнем. А так – полное дерьмо. Да еще и озабоченное.

– А ты, видимо, как раз из тех, у кого есть вкус, стиль и достоинство? – с усмешкой спросил Уэсли.

– Представь себе, да.

– Очень жаль.

– Это ты так со мной заигрываешь? – спросила я. – Если да, то попытка неудачная. Я бы даже сказала, провальная.

Он рассмеялся.

– У меня не бывает провальных попыток, когда я заигрываю с девушками, – рассмеялся он и провел руками по темным волнистым волосам, а потом снова улыбнулся – как всегда криво и высокомерно. – Но с тобой я просто пытаюсь быть вежливым. И нормально поговорить.

– Прости. Мне это неинтересно. – Я отвернулась и отхлебнула вишневой колы. Но Уэсли не сдвинулся с места. Ни на сантиметр.

– Это значит, что можно уходить, – отчетливо проговорила я.

Уэсли вздохнул.

– Ладно. Не хочешь быть покладистой – не надо. Тогда скажу начистоту. Дело вот в чем: ты умнее и упрямее большинства девчонок, с которыми я решался заговорить. Но я пришел сюда не для того, чтобы вести умные разговоры. – Он повернулся к танцполу. – На самом деле мне нужна твоя помощь. Видишь ли, твои подружки – красотки. А ты... Ты – жупа.

– И что это значит?

– Жупа. Жирная уродливая подружка, – расшифровал он. – Без обид, но это ты и есть.

– Я не...

– Эй, не надо обижаться. На самом деле ты не уродка и не тролль, но по сравнению с... – он пожал широкими плечами. – Ну ты сама подумай. Зачем они берут тебя с собой, если ты даже не танцуешь? – У него хватило наглости потянуться и похлопать меня по колену, как будто он хотел меня утешить! Я отшатнулась, а он как ни в чем ни бывало откинул волосы с лица. – Так вот, – продолжал он, – твои подружки – лакомый кусочек. Настоящие красотки. – Он замолчал на секунду, разглядывая происходящее на танцполе, а потом снова повернулся ко мне: – А ученые доказали, что в каждой женской группе есть слабое звено – жупа. И если парень общается с жупой, другие члены группы начинают ему симпатизировать.

– Эта теория тебе по укурке пришла? Ну и ну.

– Не злись, – отвечал он. – Я вот что хочу сказать: девчонки – твои подружки, например, – находят весьма сексуальным, когда парень проявляет учтивость и общается с жупой. Вот я сейчас с тобой разговариваю, и это вдвое увеличивает мои шансы, что мне сегодня обломится с одной из них. Так что ты уж помоги мне, сделай вид, что разговор тебе приятен.

Я в ужасе вытаращилась на него и долго не могла отвести взгляд. Вот уж что верно, то верно – внешняя красота обманчива. Может, у Раша и фигура греческого бога, но его душа темна и пуста, как мой платяной шкаф! Ну и придурок!

Я вскочила на ноги и выплеснула на него содержимое своего стакана. Вишневая кола залила его белоснежную рубашку-поло – на вид совсем не дешевую. Темно-красные капли блестели на щеках и каштановой шевелюре. Он побагровел от ярости, а точеные скулы заиграли желваками.

– За что?! – выпалил он, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

– А сам как думаешь?! – выкрикнула я, сжав кулаки.

– Понятия не имею, жупа, вот честно.

От злости у меня на щеках вспыхнули красные пятна.

– Думаешь, я позволю кому-то из подруг уйти отсюда с тобой, Уэсли? Ты глубоко ошибаешься, – выпалила я. – Ты отвратительный бабник и тупица! Надеюсь, пятна на рубашечке не отстираются! – И прежде чем в гневе уйти, я повернулась и добавила: – И зовут меня, к твоему сведению, не жупа. А Бьянка. Мы с тобой со средней школы в одном классе, самовлюбленный козел!

Никогда не думала, что найду в себе смелость сказать это, но, к счастью, от проклятого техно закладывало уши, и никто, кроме Джо, не слышал моей тирады. А тот наверняка подумал, что у меня проясто сдали нервы. Расталкивая толпу, я пробралась в центр зала и стала искать девчонок. А увидев, схватила их под руки и потащила к выходу.

– Эй! – запротестовала Джессика.

– Ты что? – спросила Кейси.

– Пошли прочь из этой дыры, – выпалила я, продолжая тащить за собой отбивающихся подруг. – В машине объясню. Ноги моей больше в этом притоне не будет.

– А можно я хоть с Харрисоном попрощаюсь? – взмолилась Джессика, пытаюсь вырваться.

– Джессика! – Я так резко повернулась к ней, что шея аж хрустнула. – Он гей! Тебе ничего не светит, смирись уже! Мне нужно уйти поскорее. Пожалуйста!

Я вытащила их на стоянку. Ледяной январский ветер обжигал лицо. Здесь Кейси и Джессика сдались и перестали вырываться, прижавшись ко мне с двух сторон. Их сексуальные наряды были совсем не предназначены для прогулок на холодном ветру. Мы вместе добежали до моей машины, расцепившись лишь у переднего бампера. Я нажала кнопку на брелке, и мы тут же забрались внутрь

моего «Сатурна»,[2 - Автомобиль компании «Дженерал Моторс».] где было чуть теплее, чем снаружи.

Кейси свернулась калачиком на переднем сиденье, поджала ноги и, стуча зубами, процедила:

- Ну почему так рано, Би? Еще же только пятнадцать минут десятого!

Джессика с обиженным видом устроилась сзади, завернувшись в старый плед, как в кокон. (Моя старая печка редко соглашалась работать, и на всякий случай я всегда держала в машине несколько пледов.)

- Я там поругалась кое с кем, - призналась я, со всей силы воткнув ключ в зажигание. - Выплеснула на него кока-колу, а дожидаться ответа не хотелось.

- С кем? - спросила Кейси.

Этого вопроса я и боялась. Ведь знала, как они отреагируют.

- С Уэсли Рашем.

Послышались восторженные охи и ахи.

- Да бросьте вы, - разозлилась я, - он же шлюха в штанах! Терпеть его не могу. Трахает все, что движется, и думает членом. То есть мозг у него микроскопический.

- Сомневаюсь, - со вздохом ответила Кейси. - Би, ты единственный человек на свете, кто не считает Уэсли Раша совершенством.

Я повернулась и посмотрела через плечо, чтобы выехать со стоянки задним ходом, и одновременно смерила Кейси гневным взглядом.

- Да он полный придурок.

– Неправда, – возразила Джессика. – Жанин рассказывала, что он недавно говорил с ней на вечеринке. Она была с Викки и Анджелой, а он просто подошел и сел рядом. И вел себя очень мило, между прочим.

Все понятно. Значит, Жанин, по его мнению, тоже была жупой. Интересно, кто в тот вечер ушел домой с Уэсли – Викки или Анджела?

– Он классный, – пропела Кейси. – А ты просто злючка, как обычно. – Она мило улыбнулась мне в зеркало заднего вида. – Что он такого сделал, что ты облила его колой? – Теперь в ее голосе угадывалось беспокойство. Долго же она соображала! – Он тебе что-то сказал, Би?

– Нет, – ответила я. – Ничего он не сказал. Просто он меня бесит.

Жупа.

Я неслась по Пятой улице, и это прозвище звенело у меня в ушах. Я не нашла в себе смелости рассказать подругам о новом оскорблении, только что пополнившем мой словарный запас. Но взглянув на себя в зеркало заднего вида, поняла, что Уэсли был прав: я действительно была непривлекательным и никому не нужным «довеском» к основному товару. Джессика с ее идеальными формами, тонкой талией и теплым, приветливым взглядом карих глаз. Кейси с ее безупречной кожей и длиннющими ногами... Куда мне с ними тягаться?

– Давайте-ка завалимся еще на другую вечеринку, раз ушли так рано, – предложила Кейси. – Вроде в Оак-Хилл что-то намечалось? Анджела сегодня говорила. Один парень из колледжа приехал домой на рождественские каникулы и закатил пирушку. Хотите пойти?

– Да! – Джессика встрепенулась, стряхнув одеяло. – Да, пойдём! Раз вечеринку устраивает парень из колледжа, там будут и другие парни из колледжа! Правда, круто, Бьянка?

Я вздохнула.

– Нет. Не круто.

– Да брось. – Кейси потянулась и сжала мою руку. – Танцевать не обязательно, слышишь? И мы с Джесс обещаем не подпускать к тебе симпатичных парней, раз ты их ненавидишь. – Она ухмыльнулась, видимо, решив, что ее слова поднимут мне настроение.

– Я не всех симпатичных парней ненавижу, – буркнула я. – А только одного. – Но потом вздохнула, повернула на шоссе и направилась в сторону съезда на окружную дорогу. – Ладно, поехали. Но с вас мороженое. Два шарика.

– Идет!

2

Субботняя ночь или раннее утро воскресенья – самое тихое время. По коридору разносился глухой папин храп, но когда я вернулась домой примерно после часа ночи, это был единственный звук, нарушавший тишину. А может, я просто оглохла от басов на вечеринке в Оак-Хилл? Если честно, потеря слуха казалась не такой уж печальной перспективой. Ведь тогда мне бы никогда больше не пришлось бы слушать техно. Пожалуй, я была даже двумя руками «за».

Заперев входную дверь, я вошла в темную пустую гостиную. В глаза бросилась открытка на кофейном столике – мама прислала ее из какого-то очередного города, куда ее забросило. Я даже не стала ее читать. До утра с ней ничего не случится, а сейчас я слишком устала. Еле переставляя ноги, я поднялась в свою комнату.

Сдерживая зевок, повесила пальто на спинку стула и шагнула к кровати. Головная боль вроде утихла, я сбросила кеды и зашвырнула их в угол. Я ужасно устала, но увидев гору чистой одежды и белья на полу у кровати, не смогла перебороть свою любовь к порядку. Упаду, но сложу белье, прежде чем лягу спать!

Я бережно поднимала вещи и складывала их по одной – так аккуратно, что если бы кто-то смотрел на меня, мне стало бы неловко. Джинсы в одну стопку, рубашки в другую, белье – в третью. Я расправляла складочки, и отчего-то это

действовало успокаивающе. Идеальные стопки росли, а мой ум освобождался от лишних мыслей, тело расслаблялось, а злость на предыдущий вечер, громкую музыку и приставучих озабоченных кабанов утихала. С каждой ровной складочкой я рождалась заново.

Сложив всю одежду, я встала, оставив стопки на полу. Сняла свитер и джинсы, провонявшие в душном баре и на вечеринке, и бросила в корзину, стоявшую в углу комнаты. Душ можно и утром принять. Сейчас я слишком устала.

Но прежде чем забраться под одеяло, я посмотрела на себя в большое зеркало на противоположной стене. Изучила свое отражение новым взглядом, воспринимая себя иначе. Непослушные рыжеватые волосы торчат во все стороны. Большой нос. Широкие бедра. Маленькая грудь. Ну да. Жупа. И как я раньше не замечала?

Вообще-то, я никогда не считала себя особо привлекательной и хорошо понимала, кто в нашей троице настоящие красотки: Кейси и Джессика, худосочные блондинки. Но раньше мне не приходило в голову, что своей невзрачностью я оттеняла эту великолепную парочку. А теперь благодаря Уэсли Рашу я это увидела.

Правильно говорят: меньше знаешь – крепче спишь.

Я запахнулась в одеяло, пряча свое обнаженное тело от всевидящего зеркала. Уэсли – живое доказательство того, что внешняя красота обманчива, так почему же его слова так меня ранили? Я же умная. И добрая. Кому какое дело до того, как я выгляжу? Была бы красоткой, приходилось бы мириться с приставаниями таких дятлов, как Уэсли. Боже упаси! Значит, в том, чтобы быть жупой, есть свои преимущества. Не так уж это и плохо, в конце концов.

Чертов Уэсли Раш! Поверить не могу, что он заставил меня переживать из-за такой ерунды.

Я закрыла глаза. Утром обо всем забуду. И больше не буду думать ни о каких жупах.

* * *

Воскресенье прошло прекрасно: тихо, никто не мешает – восторг. Вообще-то, без мамы в доме всегда было тихо. Вот когда она возвращалась, дом наполнялся шумом. Постоянно звучала музыка, смех, что-то происходило, повсюду хаос. Но она никогда не задерживалась больше, чем на пару месяцев, а когда уезжала, все замирало и останавливалось. Папа, как и я, был не слишком общительным. Он или работал, закопавшись с головой в бумаги, или смотрел телевизор. Без мамы в доме Пайперов обычно царила тишина.

А уж наутро после того, как я вынужденно подверглась клубно-вечериночному натиску, тишина в доме казалась раем.

Но понедельник... понедельник выдался ужасным.

Понедельники, разумеется, всегда ужасны, но этот... этот побил все рекорды. Все началось еще перед первым уроком, когда Джессика ввалилась на испанский с заплаканными глазами и потекшей тушью.

– Что с тобой, Джесс? – заволновалась я. – Что стряслось? Все нормально?

Должна признаться, в тех редких случаях, когда Джессика приходила в класс не в настроении, я действительно начинала волноваться. Ведь обычно она была такой жизнерадостной, что чуть не прыгала на месте, и хихикала, не переставая. Поэтому когда она вошла с таким понурым видом, я не на шутку испугалась.

Джессика грустно покачала головой и упала на свое место.

– Все в порядке, но... я не смогу пойти на школьный бал! – Из ее шоколадно-карих глаз брызнула новая порция слез. – Меня мама не пускает!

И это все? Она из-за какого-то бала так меня напугала?

– Почему? – спросила я, пытаюсь сделать вид, что мне не все равно.

– Я под домашним арестом, – всхлинула Джессика. – Утром мать увидела в комнате мой дневник, узнала, что я завалила химию, и слетела с катушек! Но это же несправедливо! Бал в честь баскетбольного чемпионата! Мой любимый бал в

году... не считая выпускного, и бала Сэйди Хокинс,[3 - В американских школах это бал, на который девочки приглашают мальчиков. Назван так в честь героини комиксов Эла Каппа Сэйди Хокинс - дочери одного из первых поселенцев вымышленного городка, которой надоело ждать, когда ей сделают предложение. Она предложила устроить забег между незамужними девушками и холостяками: если девушка обгоняла парня, тот должен был на ней жениться.] и танцев в честь футбольного чемпионата!

Я саркастически взглянула на нее.

- Ну надо же, как у тебя много любимых балов.

Джессика не ответила. И не засмеялась.

- Прости, Джесс. Понимаю, как это обидно... но я, например, тоже на бал не пойду. - Я не стала уточнять, что считаю традицию школьных балов отсталой и убеждена, что это напрасная трата времени и денег. Джессика и так знала мое мнение по этому вопросу, и едва ли стоило сейчас напоминать ей об этом. Но я обрадовалась, что кто-то еще не пойдет на бал, кроме меня. - А что если я приду к тебе, и мы весь вечер будем смотреть в кино? Мама разрешит?

Джессика кивнула и утерла слезы рукавом.

- Да, - ответила она. - Тебя мама любит. Считает, что ты хорошо на меня влияешь. Конечно, она разрешит. Спасибо, Бьянка! А давай посмотрим «Искупление»? [4 - Atonement (англ.) - кинодрама (2007) по одноименному бестселлеру Иена Макьюена с участием Киры Найтли и Джеймса МакЭвоя.] Еще разок, а? Тебя еще от него не тошнит?

По правде говоря, меня действительно уже тошнило от слезливых драм, которые так любила Джессика, но я решила - ничего, не умру.

- Разве МакЭвой может надоест? - улыбнулась я. - Можем даже посмотреть «Джейн Остин». Будет вечер МакЭвоя.

Она рассмеялась - наконец-то! Тут в класс вошла наша костлявая училка и принялась маниакально выравнивать карандаши на столе, прежде чем начать

перекличку. Джессика метнула взгляд в ее сторону, а когда снова посмотрела на меня, в ее темно-карих глазах снова блеснули слезы.

– А знаешь, Бьянка, что хуже всего? – прошептала она. – Я ведь хотела Гаррисона пригласить. А теперь придется ждать до самого выпускного, чтобы позвать его на танцы!

Поскольку она и так была взвинчена, я не стала напоминать, что Гаррисона ее предложение вряд ли бы заинтересовало, потому что у нее были буфера – причем большие. Вместо этого я просто ответила:

– Понимаю. Мне очень жаль, Джессика.

После того, как мы преодолели этот маленький кризис, оставшаяся часть испанского прошла без происшествий. Джессика забыла о слезах, и к моменту, когда прозвонил звонок, уже восторженно хихикала, слушая рассказ нашей общей подруги Анджелы о ее новом парне. Я получила пятерку за словарный диктант, а еще, похоже, окончательно разобралась в спряжениях глаголов настоящего времени и сослагательного наклонения. Поэтому когда мы с Джессикой и Анджелой вышли из класса, настроение у меня было отличное.

– А еще он работает в кампусе, – не умолкала Анджела. Мы шли по коридору, проталкиваясь сквозь толпу учеников.

– А где учится? – спросила я.

– В общественном колледже Оак-Хилл, – несколько смущенно проговорила она, но тут же добавила: – Но он там только два года пробудет, а потом поступит в университет. И вообще, не такой уж это плохой колледж.

– Я тоже туда поступать буду, – сказала Джессика. – Не хочу уезжать далеко от дома.

Мы с Джессикой были полными противоположностями, и иногда меня это даже забавляло. Посмотрев, что делает одна, можно было всегда угадать, как поступит другая: точно наоборот. Я лично собиралась убраться из Хэмилтона куда подальше. Считала дни до выпускного – а там уж Нью-Йорк, колледж, и

только меня и видели.

Но меня пугала мысль о том, что Джессика окажется так далеко. Что я не буду каждый день видеть, как она скачет вприпрыжку рядом, и слушать ее болтовню о танцах и парнях. Я не знала, как переживу ее отсутствие. Они с Кейси меня уравнивали. И мне казалось, что никто больше не захочет мириться с моим цинизмом, если я уеду из города.

– Пора на химию, Джесс, – поторопила Анджела, откинув с глаз длинную черную прямую челку. – Сама знаешь, как мистер Роллинз бесится, когда мы опаздываем.

Они поспешили к кабинетам естественных наук, а я пошла по коридору на урок американской политики.[5 - В американских школах – политологический курс, в ходе которого изучают государственное устройство США, законодательные и исполнительные органы и их взаимодействие, политические институты, организацию выборов, политическую культуру и гражданские права.] Мыслями я была совсем в другом месте: в будущем, где не будет моих лучших друзей, благодаря которым я пока что умудрялась не сойти с ума. Раньше я никогда не задумывалась о том, что когда-нибудь мы расстанемся, и теперь занервничала. Видимо, придется найти способ поддерживать с ними связь, хотя я знала, что они меня за это будут дразнить.

Судя по всему, активная мозговая деятельность плохо сказалась на зрении – потому что я на полном ходу врезалась в Уэсли Раша.

Я попятилась, учебники выскользнули у меня из рук и с грохотом попадали на пол. Уэсли схватил меня за плечи своими большими руками, прежде, чем я поскользнулась и упала на плиточный пол.

– Эй, осторожнее! – Он помог мне удержаться на ногах.

Мы стояли слишком близко. У меня под кожей словно жуки расползлись во все стороны от того места, где он меня коснулся. Я поежилась от отвращения, но он понял все иначе.

– Эй, жупа, – проговорил он, глядя на меня с самонадеянной улыбочкой. Он был очень высоким – я и забыла об этом, ведь в «Гнезде» в тот вечер мы сидели, а не

стояли. Он был одним из немногих парней в нашей школе, кто был выше Кейси – метр восемьдесят пять, не меньше. На две головы выше меня. – У тебя что, при виде меня коленки подкосились?

– Размечтался. – Я вырвалась из его тисков, понимая, что веду себя, как Алисия Сильверстоун в «Бестолковых».[6 - Clueless (англ.) – школьная комедия (1995, США).] Но мне было все равно. Я опустила на колени и стала собирать книги. К моему огромному недовольству, Уэсли начал мне помогать. Изображает из себя доброго самаритянина, тоже мне. Небось надеется, что какая-нибудь крутая чирлидерша вроде Кейси вдруг пройдет мимо и увидит, как галантно он себя ведет. Вот свинья какая. Вечно играет на публику.

– Испанский учишь? – спросил он, глядя на упавшие на пол листки. – Можешь что-нибудь интересное сказать?

– El tono de tu voz hace que quiera estrangularme. – Я встала и стала ждать, когда он отдаст мне мои бумажки.

– Звучит очень сексуально, – заметил он, поднимаясь на ноги и протягивая мне стопку домашних заданий по испанскому. – И что это значит?

– «Когда слышу твой голос, хочется удавиться».

– Да ты извращенка.

Не говоря больше ни слова, я вырвала листки бумаги у него из рук, сунула их в какой-то учебник и гневно зашагала прочь. Нужно держаться подальше от этого козла и бабника. Жупа? Он серьезно? Ведь он знает, как меня зовут! Этот самовлюбленный дятел просто издевается надо мной. И у меня по-прежнему зудели руки там, где он за них схватился.

В классе мистера Чосера по американской политике было всего девять человек, и когда я вошла, семеро из них уже сидели на местах. Мистер Чосер смерил меня уничтожающим взглядом прищуренных глаз, сообщая тем самым, что звонок прозвонит с минуты на минуту. Опоздание, по мнению мистера Чосера, приравнивалось к тяжким преступлениям, а почти опоздание – к мелкой уголовщине. Но я явилась не последней. И это несколько оправдывало меня в его глазах.

Я заняла свое место на задней парте и открыла тетрадь, надеясь, что мистер Чосер не станет публично отчитывать меня за опоздание. Учитывая, в каком я была настроении, я могла и огрызнуться в ответ. Но он ничего не сказал, так что нам обоим повезло.

Последний из группы вошел как раз, когда прозвенел звонок.

– Простите, мистер Чосер. Я вешал объявления для церемонии торжественного открытия на следующей неделе. Надеюсь, вы еще не начали?

Когда я увидела парня, который стоял в дверях, мое сердце подскочило.

Вообще-то, я не скрываю, что терпеть не могу тех, кто встречается в старших классах и постоянно ахает и охает о том, как «любит» своего бойфренда или подружку. Я откровенно признаю, что не выношу девиц, которые заявляют, что «влюблены» в кого-то даже до того, как сходят с означенным «возлюбленным» на первое свидание. Я и не скрываю, что, по моему мнению, настоящая любовь формируется годами – на это уходит пять, десять лет, не меньше – и поэтому школьные «влюбленности» кажутся мне совершенно бессмысленными. Все знали мою позицию по этому поводу... но никто не подозревал, что я почти лицемерила.

Ну не совсем «никто» – Кейси и Джессика были в курсе, но это не считается.

Тоби Такер. Не считая неблагозвучного сочетания имени и фамилии – оба на «т» – он был прекрасен во всех отношениях. Не накачанный тестостероном футболист. И не сентиментальный хиппи, бренчащий на гитаре. Он не писал стихи и не подводил глаза карандашом. Поэтому его вряд ли можно было отнести к тому типу парней, по которым сохнут девчонки. Но мне это было только на руку. Качки, музыканты и эмо не смотрели в сторону жуп, выражаясь ласковым языком Уэсли. С умным парнем, который интересовался политикой и был немного стеснительным, у меня было куда больше шансов. Или нет?

Нет, нет, и еще раз нет.

Мы с Тоби Такером были созданы друг для друга. Но он, к сожалению, об этом не догадывался. Главным образом потому, что, оказываясь рядом с ним, я

утрачивала способность связно формулировать свои мысли. И он наверняка считал, что я немая или что-то вроде того. Он ни разу не посмотрел в мою сторону, не заговорил со мной и, кажется, даже не замечал меня там, на задней парте. В его присутствии я ощущала себя полной невидимкой – и поверьте, для девушки с таким толстым задом, как у меня, это было очень странное чувство.

А вот я замечала Тоби. Замечала его старомодную, но такую милую стрижку под битлов и бледную кожу цвета слоновой кости. Зеленые глаза под овальными стеклами очков. Он всегда носил блейзер и закусывал нижнюю губу, когда сосредоточенно о чем-то думал – это было просто очаровательно. Я была... ну, скажем, не влюблена в него, но он мне определенно нравился. Тоби Такер нравился мне... по уши.

– Нет, – процедил мистер Чосер. – Но в следующий раз все же посматривайте на часы, мистер Такер.

– Разумеется, сэр.

Тоби сел в первом ряду вместе с Жанин Макфи. Я, как шпион, стала подслушивать их разговор, пока мистер Чосер записывал план лекции на доске. Обычно я не веду себя, как больная, но любовь... – простите, симпатия – толкает людей на безумные вещи. По крайней мере, таково всеобщее оправдание.

– Как выходные, Тоби? – спросила Жанин, говоря, как обычно, в нос – он у нее был вечно заложен. – Было что-нибудь интересное?

– Да нормально, – ответил Тоби. – Отец во-зил нас с Ниной в соседний штат. Вместе ездили в Университет Южного Иллинойса. Было здорово.

– А Нина – это твоя сестра? – спросила Жанин.

– Нет, это моя подруга. Она из школы Оак-Хилл. Разве я тебе не рассказывал? В общем, нас обоих приняли в этот университет, вот мы и решили съездить и посмотреть. У меня и другие варианты на примете, но мы встречаемся уже полтора года и хотим учиться вместе, чтобы не расставаться.

– О, как мило! – воскликнула Жанин. – Я, кстати, хотела послушать пару курсов в этом университете, прежде чем решать, куда поступать.

Мурашки у меня прошли, но теперь желудок совершал головокружительные кульбиты. Я уж решила, что меня сейчас стошнит, и еле удержалась, чтобы не выбежать из класса, зажав рукой рот. В конце концов мне удалось перебороть себя и удержать завтрак на месте, но чувствовала я себя по-прежнему неважно.

У Тоби есть подружка? И они встречаются уже полтора года? О боже! И как, спрашивается, я упустила этот факт? Они вместе даже в колледж собираются! Значит ли это, что Тоби – один из тех глупых романтичных соплежевателей, которых я высмеивала каждый день? Не ждала от Тоби Такера такого. Я-то думала, что он относился к подростковым влюбленностям так же скептически, как и я. И что поступление в университет для него было важным решением, не зависящим от того, куда взяли твою подружку! Я-то думала, что у него мозги на месте.

«Все равно бы он не стал встречаться с тобой», – прошипел внутренний голос. Этот голос был жутко похож на зловещий шепот Уэсли Раша. «Ты же гадкий утенок, забыла? А его подружка наверняка стройнее, да и размер груди у нее побольше».

Еще даже время обеда не пришло, а я уже готова была броситься со скалы в море. Нет, ну не до такой степени, конечно... Но то, что мне хотелось пойти домой и лечь спать – несомненно. Я хотела забыть о том, что у Тоби есть подружка и отношения у них серьезные. Смыть прикосновение лап Уэсли Раша к своей коже. Но больше всего мне хотелось стереть из памяти это слово – жупа.

А ведь это было только начало.

Примерно в шесть часов того же дня в новостях предупредили о надвигающемся буране, который должен был настигнуть нас «под утро». Видимо, школьная дирекция сжалилась над нами – ведь в этом году у нас еще ни разу не отменяли занятия из-за снегопада. Они просто взяли и сказали, что завтра школа закрыта, хотя никакой буран еще даже не начался. И вот в полвосьмого вечера мне позвонила Кейси и заявила, что поскольку завтра утром рано вставать не придется, надо пойти в «Гнездо».

- Кейс, даже не знаю, - ответила я. - А что, если дороги занесет?

Если честно, я готова была придумать любую причину, лишь бы не ехать. Достаточно сегодня всякого дерьма случилось. А теперь еще придется терпеть пытку в этой дыре. Я не знала, вынесу ли такое испытание.

- Би, буран начнется только в три утра! Главное - вернуться к этому времени, и все будет пучком.

- У меня домашних заданий выше крыши.

- Но ведь их только к среде подготовить надо! Завтра, если хочешь, можешь хоть весь день корпеть над домашкой.

Я вздохнула.

- А вы с Джессикой не можете найти кого-нибудь еще, кто вас подвезет, и поехать без меня? У меня настроения нет. День выдался неудачный, Кейси.

Кейси всполошилась, как всегда при малейшем намеке на неприятности.

- Что случилось? - спросила она. - Все в порядке? За обедом вид у тебя был не слишком довольный. Что-то с мамой?

- Кейси...

- Скажи, что стряслось?

- Да ничего, - заверила ее я. - Просто день ужасный, ясно? Ничего серьезного. Но тусить с вами, ребята, у меня сегодня совсем нет настроения.

На том конце линии повисла тишина. Наконец Кейси проговорила:

- Бьянка, ты же знаешь, что можешь мне все рассказать, правда? Если нужно поговорить, я всегда рядом. Не держи все в себе. Это вредно.

– Кейси, да я в полном по...

– Порядке, понимаю, – прервала она. – Но если возникнут неприятности, я рядом, знай.

– Знаю, – пробормотала я. Мне стало стыдно, что из-за меня и моих глупостей Кейси разнервничалась. У меня и вправду была плохая привычка скрывать свои эмоции, и Кейси об этом знала. Она всегда оберегала меня. Уговаривала поделиться с ней, чтобы в итоге я не взорвалась. Иногда меня это раздражало, но приятно было знать, что кому-то я небезразлична. Не могла же я на нее за это злиться.

– Я все понимаю, Кейси. Не волнуйся. Просто... я сегодня узнала, что у Тоби есть подруга, и это меня немного огорошило. Вот в чем дело.

– Ох, Би, – вздохнула Кейс. – Ужас какой. Сочувствую. Вот пошла бы с нами сегодня, и мы с Джесс тебя бы развеселили! Угостили бы мороженым. Двумя шариками!

Я тихо рассмеялась.

– Спасибо, нет. Лучше я дома побуду.

Я повесила трубку и спустилась вниз. Папа на кухне разговаривал по телефону. Я услышала его прежде, чем увидела. Он что-то кричал в трубку. Я встала в дверях, решив, что он заметил меня, и сейчас понизит голос. Подумала, что кому-то из службы телефонной рекламы не повезло нарваться на Майка Пайпера. Но потом вдруг услышала свое имя.

– Ты хоть подумала, что будет с Бьянкой? – Папин голос, сначала показавшийся мне сердитым, теперь звучал умоляюще. – Семнадцатилетняя девочка не должна так надолго расставаться с матерью. Ты нужна ей дома, Джина. Ты нужна нам.

Я попятилась в гостиную, к своему удивлению поняв, что он разговаривает с мамой. Если честно, я не знала, что и думать. О том, что он сказал. Ну да, я скучала по маме, и было бы здорово, если бы она все время жила с нами, но мы

уже привыкли справляться и без нее.

Моя мама была коучем. Когда я была еще совсем маленькой, она написала воодушевляющую книгу о повышении самооценки. Книга плохо продавалась, но маме все равно постоянно предлагали выступать в колледжах, группах психологической помощи и на выпускных. Поскольку книга не пользовалась большим успехом, брала она за эти выступления недорого.

Одно время она соглашалась только на работу недалеко от дома, чтобы, закончив проповедовать людям о том, как полюбить себя, можно было вернуться домой на машине. Но после смерти бабушки – мне тогда было двенадцать – мама впала в депрессию, и отец предложил ей взять передышку. Отпуск, всего на несколько недель.

Вернувшись, она взяла на себя рассказывать нам обо всех местах, где побывала, и о людях, с которыми познакомилась. Видимо, тот отпуск и пробудил в ней жажду к путешествиям. Потому что после него мама начала договариваться о выступлениях и семинарах по всей стране. От Колорадо до Нью-Гемпшира. Она целые маршруты себе составляла.

Только вот нынешнее ее путешествие длилось уже очень давно и было самым долгим из всех. Ее не было дома уже почти два месяца, и я уже не помнила, в каком городе и штате она сейчас выступает.

Наверное, поэтому папа и злился. Потому что ее так долго не было.

– Черт, Джина, когда ты повзрослеешь наконец и вернешься домой? Когда вернешься к нам... навсегда? – Папин голос при этих словах дрогнул, и услышав это, я чуть не расплакалась. – Джина, – пробормотал он, – мы любим тебя. Мы с Бьянкой скучаем и хотим, чтобы ты вернулась домой.

Я прислонилась к стене, отделявшей меня от папы, и закусила губу. Боже, да он просто жалок. Почему бы им просто не развестись? Неужели никто, кроме меня, не замечает, что у них ничего не выходит? Какой смысл быть женатым, если мамы вечно нет дома?

– Джина, – проговорил отец дрожащим голосом. Он едва не плакал. Я услышала, как он положил трубку на стол. Разговор был окончен.

Я выждала пару минут и вошла на кухню.

- Привет, пап. Все в порядке?

- Да, - ответил он. Врать он совсем не умеет. - Все хорошо, Пчелка.[7 - Игра слов: Би, сокращенное имя героини, и Вее (англ.) - пчела.] Вот только что с мамой разговаривали... она передает привет.

- И откуда на этот раз?

- Хм... из Орандж-Каунти, - ответил он. - Выступает в школе и заодно заехала навестить твою тетю Ли. Здорово, правда? Можешь сказать друзьям, что мама твоя в Орандж-Каунти, как ребята из того сериала...[8 - Имеется в виду сериал «Одинокое сердце» (Orange County, 2003-2007, США).] Он же тебе нравится?

- Да, - ответила я, - только его уже несколько лет не показывают.

- А, ну... отстал я от жизни, Пчелка. - Он то и дело поглядывал на стол, где лежали ключи от машины, и я не могла этого не заметить. Он понял, что я его раскусила, и быстро посмотрел в другую сторону - я не успела ничего сказать.

- Идешь куда-нибудь сегодня? - спросил он.

- Вообще-то, меня пригласили, но... - Я откашлялась, не зная, как продолжать. Мы с папой не так уж часто разговаривали. - Могла бы остаться и дома. Хочешь, побудем вместе и... ну, не знаю... посмотрим телевизор?

- Да нет, Пчелка, - ответил он, неубедительно рассмеявшись. - Иди, веселись с друзьями. А я, наверное, пораньше лягу сегодня.

Я посмотрела ему прямо в глаза, надеясь, что он передумает. После ссор с мамой отец всегда сильно расстраивался. Я переживала за него, но не знала, как заговорить об этом.

А еще в глубине души я боялась. Это было глупо, конечно, но страх не отступал. Дело в том, что мой папа когда-то лечился от алкоголизма. Конечно, он бросил

пить еще до того, как я родилась, и с тех пор не прикасался к спиртному... но порой, когда он расстраивался из-за мамы, я начинала бояться за него. Боялась, что он возьмет ключи от машины и поедет в винный магазин... Конечно, это было глупо, но я не могла избавиться от этого страха.

Папа отвел глаза и смущенно поежился. Потом отвернулся и пошел к раковине – мыть тарелку, из которой только что ел спагетти. Мне захотелось подойти к нему, вырвать эту тарелку – жалкий предлог, чтобы сменить тему – и швырнуть ее на пол. Хотелось сказать, что все, что происходит между ним и мамой – полная ерунда. Хотелось, чтобы он понял: их глупые ссоры и депрессия – всего лишь напрасная трата времени, что пора признать – их браку конец.

Но, разумеется, я ничего этого не сделала. Я лишь сказала:

– Пап...

Он повернулся ко мне и встряхнул головой. В руке его была губка.

– Ты иди, повеселись, – сказал он. – Нет, правда, я хочу, чтобы тебе было весело. Когда еще развлекаться, как не в молодости?

– Ладно, – ответила я. – Если ты так хочешь... пойду позвоню Кейси.

Я поднялась наверх, в свою комнату, взяла мобильник, лежавший на комод, и позвонила Кейси. Два гудка – и она ответила.

– Привет, Кейс. Я тут передумала насчет «Гнезда»... и как думаешь, можно сегодня будет переночевать у тебя? Потом все объясню... просто не хочу быть дома.

Перед уходом я аккуратно сложила стопку чистой одежды на полу, но сегодня это совсем не помогло мне почувствовать себя лучше.

– Налей-ка еще, Джо. – Я толкнула пустой стакан, тот заскользил по стойке, и бармен Джо ловко его поймал.

– Тебе больше не наливаю, Бьянка.

Я закатила глаза.

– Это же вишневая кола.

– Если перебрать, кола может быть такой же опасной, как виски. – Он поставил стакан на полку за баром. – Хватит. Потом меня поблагодаришь. Головная боль от передозировки кофеина – не сахар, а я вас, девчонок, знаю. Поправитесь на два килограмма, а виноват я.

– Ладно. – Подумаешь, на два килограмма поправлюсь? Я и так жупа, а у единственного парня, на которого мне хочется произвести впечатление, оказывается, есть подружка. Да хоть на тридцать килограмм растолстею, мне-то что?

– Прости, Бьянка. – Джо отошел к другому концу стойки: там Анджела и ее лучшая подруга Викки жаждали заказать напитки.

Я постукивала пальцами по деревянной стойке, а мысли витали далеко. Мне было не до музыки и не до пульсирующих огней. Ну почему я не осталась дома с папой? Почему не разговорила его? Я представила, как он сейчас дома мучается... совсем один.

Но что делать. Мы, Пайперы, так справляемся со стрессом.

В одиночестве.

Откуда это в нас? Почему мы не умеем открываться? Почему бы папе не взять и просто не признать, что у них с мамой проблемы? И почему у меня не хватает духу прямо поговорить с ним об этом?

– Привет, жупа.

Господи, какая неведомая сила все время притягивает ко мне этого придурка?

– Отвали, Уэсли, – прорычала я, уставившись на свои пальцы, неустанно барабанившие по столу.

– Не могу, – ответил он. – Видишь ли, жупа, я не из тех, кто легко сдается. У меня есть цель – закадрить одну из твоих подружек, желательно вон ту, с обалденными буферами.

– Тогда иди и поговори с ней, а не со мной, – предложила я.

– Я бы так и сделал, но дело вот в чем: Уэсли Раш не бегают за девчонками. Они сами бегают за ним. – Он улыбнулся до ушей. – Да-да. Очень скоро она сама сюда явится и будет умолять меня переспать с ней. А то, что мы с тобой тут болтаем, лишь ускорит этот процесс. А пока радуйся, что тебе оказали честь побыть в моем обществе. К счастью для меня, сегодня ты не вооружена кока-колой.

Он начал было смеяться, но быстро перестал. Я чувствовала на себе его взгляд, но голову не подняла.

– У тебя все в порядке? Что-то ты сегодня на людей не кидаешься, даже странно.

– Оставь меня в покое, Уэсли. Seriously.

– Что-то случилось?

– Уйди.

Мне нужно было выпустить накопившийся стресс, каким-то образом освободиться от него. Я поняла, что не дождусь того момента, когда мы с Кейси уедем к ней, и я смогу выговориться. Мне нужно было поговорить с кем-то прямо сейчас. Но я не хотела плакать на виду у всей школы, и уж точно не хотела обсуждать свои проблемы с Джо или этим дятлом, что сидел передо мной. А если бы я сейчас врезала ему, это принесло бы мне лишь неприятности. Других вариантов я не видела, но мне необходимо было выпустить пар, иначе я бы просто взорвалась.

Мама в Калифорнии.

Папа с ума сходит.

А я, трусиха, ничего не могу предпринять.

– Нет, что-то все-таки тебя беспокоит, – не унимался Уэсли. – У тебя ж глаза на мокром месте. – Он опустил руку мне на плечо, заставив меня повернуться к нему лицом. – Бьянка?

И тут я сделала ужасную глупость. Меня оправдывало лишь то, что я испытывала огромный стресс и увидела возможность избавиться от напряжения. Мне нужно было отвлечься. Хотя бы на секунду я хотела отдалиться от родительских разборок и забыть о них. И когда мне подвернулся шанс это сделать, я не думала о том, что позже, возможно, пожалею. Мой шанс сидел на барном табурете напротив, и я ухватилась за него. В прямом смысле слова.

Я поцеловала Уэсли Раша.

Еще секунду назад его ладонь лежала на моем плече, а серые глаза смотрели на меня. А через мгновение я уже целовала его. Мои губы раскалились от сдерживаемых эмоций, а он весь напрягся и застыл от шока. Но это длилось недолго. Уже через секунду он впился в меня губами, отвечая на мой натиск, обнял меня и притянул к себе. Наш поцелуй был горячим, но это была словно битва. Я запустила пальцы в его вьющиеся волосы, потянув их резче, чем следовало бы, а он вцепился мне в талию.

Даже если бы я решила кого-нибудь ударить, это не сработало бы настолько эффективно. Поцелуй не только помог мне выпустить расправившее меня напряжение, но и избавил меня от лишних мыслей. Сами посудите: нелегко думать о своем отце, когда кого-то целуешь!

И как бы странно это ни звучало, оказалось, что Уэсли очень хорошо целуется. Он прильнул ко мне, а я так вцепилась в него, что он чуть не упал с табурета. В тот момент нам хотелось быть как можно ближе друг к другу. Казалось, что наши стулья разделяет расстояние в несколько миль.

Все мои мысли испарились, и я превратилась в существо, живущее только физическими ощущениями. Исчезли эмоции. Исчезло все, кроме наших тел и пылающих губ в центре всего сущего. Это было блаженство! Как же здорово было не думать ни о чем.

Ни о чем! Ни о чем... пока Уэсли не взял и не испортил все.

Его рука скользнула вверх от талии по моим ребрам и остановилась прямо на груди.

И тут я вдруг очнулась и вспомнила, кого целую. Я отдернула руки и с силой оттолкнула его от себя. Меня пронизала злость – острая, неприкрытая злоба – полностью заслонившая собой нервное беспокойство, которое я ощущала всего минуту назад. Уэсли уронил руки – одна приземлилась на мое колено – и отдернулся. Вид у него был удивленный, но довольный.

– Ого, жупа, это было...

И тут я вlepила ему пощечину. Такую мощную, что у меня аж ладонь зазвенела.

Он убрал руку с моего колена и ухватился за щеку.

– Какого черта! – воскликнул он. – Ты что?

– Придурок! – зашипела я, соскочила с табурета и ринулась на танцпол. Мне не хотелось признаваться, но я больше злилась на себя, чем на него.

4

Широкая кровать Кейси была невероятно теплой. Подушки – мягкими. Мне казалось, что я могу утонуть в пышной перине и остаться там жить. Но сон не шел. Я ворочалась и крутилась на своей половине кровати, стараясь не разбудить Кейси. Считала овец. По очереди расслабляла все части тела от больших пальцев ног до макушки. Даже представила, что сижу на занудной лекции мистера Чосера по государственной политике.

И так и не уснула.

Внутри меня снова все кипело, но на этот раз причиной был не папа. Этот груз я сбросила после того, как мы с Кейси отвезли Джессику домой.

– Волнуюсь я за папу, – выпалила я. Я специально дождалась, пока Джессика выйдет из машины, чтобы завести этот разговор. Я знала: Джессика не поймет. Она была из нормальной счастливой семьи, родители жили душа в душу. А вот брак родителей Кейси развалился у нее на глазах. – Он не видит дальше своего носа. Ведь ясно же, что ничего у них не выходит? Почему бы им сразу не развестись и не покончить с этим?

– Не говори так, Би, – ответила Кейси. – Я серьезно. Даже не думай об этом.

Я пожала плечами.

– Все наладится, – проговорила она, потянулась и пожала мне руку. Мы тронулись и поехали к ее дому. Снегопад еще не начался, но я уже видела тучи, сгущающиеся в темном небе и закрывающие звезды. – Твоя мама вернется домой, они все обсудят, займутся сексом во имя примирения...

– А! Кейси, какая гадость!

– ...и все вернется на круги своя. – Она замолчала, а я тем временем подъехала к ее дому. – А я тебя всегда поддержу. Захочешь поговорить – знай, я тебя выслушаю.

– Да. Я знаю.

Я слышала от нее эти оптимистичные речи уже двенадцать лет. Каждый раз, когда в моей жизни намечался малейший сбой, она говорила одно и то же. Но в тот вечер ей не нужно было меня успокаивать. По правде говоря, с тех пор, как мы вышли из «Гнезда», о папе я уже и не думала. От мыслей о нем меня избавил поцелуй с Уэсли.

Зато из-за этого поцелуя я теперь не могла уснуть. Все думала и думала о том, что же натворила. По коже ползли мурашки. Губы были как будто чужие. И

несмотря на то, что в ванной у Кейси я примерно сто двадцать раз почистила зубы (через полчаса она даже постучалась в дверь – проверить, все ли у меня в порядке), я все еще чувствовала вкус поцелуя этого отвратительного бабника у себя во рту. Бррр! Но хуже всего было то, что я сама навлекла эту беду на себя.

Я же сама его поцеловала. Да, никто не просил его хватать меня за чувствительные места, но чего я, собственно, ожидала? Уэсли Раш не слыл джентльменом. Он был придурком, но я сама напросилась. Осознание этого, прямо скажем, меня не радовало.

– Кейси, – прошептала я. Конечно, будить ее в три часа ночи было не очень вежливо, но ведь она сама вечно говорит, чтобы я не стеснялась, делилась с ней и выражала свои чувства. Можно сказать, сама виновата. – Эй, Кейси!

– Ммм?

– Спишь?

– Угу.

– Если я скажу тебе кое-что, клянешься никому не рассказывать? – спросила я. – И не подумаешь, что я ненормальная?

– Нет, конечно, Би, – пробормотала она сквозь сон. – Говори.

– Я сегодня поцеловала одного парня, – выпалила я.

– Молодец. А теперь давай спать.

Я сделала глубокий вдох.

– Уэсли... Уэсли Раша.

Кейси вскочила и села на кровати.

– Ого! – Она встряхнула головой и протерла заспанные карие глаза. – Так, теперь я окончательно проснулась.

Она повернулась ко мне лицом. Короткие светлые волосы торчали во все стороны. Боже, как ей удавалось даже в таком растрепанном виде оставаться хорошенькой?

– О господи! С чего это ты? Я думала, ты его терпеть не можешь!

– Правда. И это всегда будет так. Просто на меня что-то нашло... какой-то дурацкий, легкомысленный, бездумный порыв... глупости. – Я села и подтянула колени к груди. – И теперь я чувствую себя грязной.

– Иногда грязной быть приятно.

– Кейси!

– Прости, Би, но я правда не понимаю, что тут такого, – пожала она плечами. – Он, между прочим, классный. И богатенький к тому же. Целуется наверняка хорошо. Ведь правда же? У него такие губы, что так и тянет...

– Кейси! – Я зажала ладонями уши. – Хватит! Слушай, я совершенно не горжусь своим поступком. Была расстроена, а он просто под руку подвернулся, и я... О боже, поверить не могу, что я это сделала. И что значит, теперь я шлюха?

– Потому что Уэсли поцеловала? Не думаю.

– И что мне делать, Кейси?

– Поцеловать его еще раз!

Я бросила на нее уничтожающий взгляд, рухнула на подушку и повернулась на бок, к ней спиной.

– Забудь, – процедила я, – зря я вообще тебе сказала.

– Ох, Би, да ладно, – ответила она. – Ты прости, но мне кажется, что тебе иногда полезно перестать на минутку видеть во всем плохое. Ведь у тебя не было парня с тех пор, как... – Она не договорила. В конце концов, мы обе знали, кого она имела в виду. – Короче, пора тебе расшевелиться, вот что я думаю. А то ты даже ни с кем не разговариваешь, кроме Джо, а он слишком стар для тебя. Тоби, как выяснилось, занят, так встречайся с Уэсли, в чем проблема? Умрешь, что ли?

– Не стану я с ним встречаться, – зашипела я. – Уэсли Раш не встречается с девушками, он с ними спит – причем с кем попало! А я просто поцеловала его, и это было так глупо... Я дура, дура, дура! Какая нелепая ошибка.

Кейси улеглась на свою половину кровати.

– Знаешь, а я ведь знала, что ты не сможешь вечно ему сопротивляться.

– Что? – Я повернулась на другой бок и гневно взглянула на нее. – Я отлично сопротивляюсь, между прочим! И знаешь, что? Нечему там сопротивляться. Он же просто отвратителен! У меня просто случилось временное помешательство. Это никогда больше не повторится!

– Никогда не говори «никогда», Би.

И через секунду она уже засопела.

А я еще поворчала немного и уснула, мысленно проклиная Кейси и Уэсли. Как ни странно, меня это успокоило.

* * *

Когда под вечер следующего дня я вошла домой, стряхивая с волос свежий снег, оказалось, что папа только что вернулся с работы. Работал он в «Тех Плюс» – магазине дешевой электроники. Буран оказался не таким страшным, как предсказывали синоптики, но на улице все еще падал снег. Правда, солнце светило ярко, и к вечеру небольшие сугробы должны были растаять. Я сняла куртку и взглянула на папу. Тот сидел на диване с чашкой горячего кофе в левой руке и листал местную газету.

Услышав, что я вошла, он поднял голову.

– Пчелка, привет! – проговорил он и поставил чашку на журнальный стол. – Ну как, повеселились вчера с Кейси и Джессикой?

– О да, – ответила я. – А как дела на работе?

– Очень много народу, – вздохнул отец. – Знаешь, сколько людей в нашем городе купили себе ноутбуки на Рождество? Спорим, нет. Так вот, знай: очень много! А знаешь, сколько из этих ноутбуков бракованные?

– Больше половины? – наугад предположила я.

– Точно. – Отец покачал головой и сложил газету. – Если нет денег на хороший ноутбук, зачем вообще его покупать? Отложи деньги и купи потом. В итоге ту же разницу потратишь на починку. Запомни это, Пчелка. Хоть чему-то в жизни я должен тебя научить.

– Ладно, пап.

Мне вдруг стало ужасно стыдно. И что я вчера так завелась из-за него? Ничего же страшного не случилось. Ну и что, что у них с мамой проблемы – все наладится, как и сказала Кейси. Папа не грустит, он не в депрессии и даже не прикасался к спиртному.

И все же я знала, что он тяжело переживает мамино долгое отсутствие. И решила, что должна постараться приободрить его. В последнее время он чувствовал себя одиноким, и я понимала, что отчасти это и моя вина.

– Хочешь телевизор посмотреть? – спросила я. – На завтра мало задали, домашку могу сделать и потом.

– Давай, – оживился папа и взял со столика пульт. – Сегодня старого «Перри Мейсона» повторяют.

Я поморщилась.

– Хм... ну ладно.

– Да шучу я, Пчелка, – рассмеялся он, переключая каналы. – Я бы не стал так тебя мучить. Так, посмотрим... ого, вот. По «Ти-ви Лэнд» повторяют «Семейные узы».[9 - Family Ties (1982–1989, США) – американский ситком, состоящий из 7 сезонов и выходивший на канале NBC. Сериал рассказывает о жизни обычной американской семьи.] Ты в детстве обожала этот сериал. Помню, мы с тобой его уже пересматривали, когда тебе года четыре было.

– Ага, помню. – Я плюхнулась на диван рядом с ним. – Я говорила, что хочу записаться в партию юных республиканцев, а все из-за Майкла Дж. Фокса.

Папа усмехнулся и поправил на носу очки в толстой оправе.

– К счастью, этого не случилось. Моя Пчелка теперь с либералами. – Он крепко обнял меня за плечи одной рукой. Я знала: это ему нужно. Нам обоим. Немного времени вдвоем, чтобы дом не казался таким пустым. Я любила тишину, но когда ее слишком много, начинаешь сходить с ума. – Ну что, посмотрим пару серий?

Я улыбнулась.

– Давай, пап.

Примерно на середине первой серии меня вдруг осенило. В детстве я была влюблена в Алекса Китона – героя Майкла Дж. Фокса в «Семейных узах», того самого убежденного республиканца. И вот через двенадцать лет я втюрилась в Тоби Такера – юного демократа. Неужели меня тянет к политикам? Может, я когда-нибудь стану женой сенатора. Или даже первой леди!

Но нет. Политики не женятся на таких невзрачных клушах, как я. Такие, как я, не украсят собой ряды наблюдателей политических дебатов. Да и я не из тех, кто выходит замуж. У меня больше шансов стать Моникой Левински. Главное – вовремя сжечь изобличающее платье.

Кстати, Обама для старикана очень даже ничего. Может, мне еще повезет.

Папа рассмеялся над одной из экранных шуток, а я закусила губу. Даже «Семейные узы» заставили меня вспомнить это слово!

Жупа.

Уэсли со своей классификацией девчонок просто не лезли у меня из головы. Дурацкое прозвище преследовало меня даже в собственном доме! Я подвинулась ближе к папе, стараясь сосредоточиться на сериале. На чем угодно, кроме Уэсли и этого глупого прозвища. А еще я попыталась забыть об этом проклятом поцелуе и о том, что вела себя, как последняя идиотка.

Я пыталась изо всех сил.

Но, естественно, у меня ничего не вышло.

5

С детским садом у меня связано одно неприятное воспоминание. Я «шла» на руках по гимнастической лестнице, хватаясь за перекладины, ноги болтались в воздухе, и тут мои ладони вспотели, и руки соскользнули. Я падала целую вечность – так мне казалось – и шлепнулась на землю, как мешок с песком. Другие пятилетки окружили меня, смеясь надо мной и моей ободранной коленкой. Не смеялась только одна девочка.

Кейси Блайт. Она шагнула вперед из толпы хихикающей мелюзги и встала передо мной. Даже тогда она была красивой. Золотистые локоны, зелено-карие глаза, розовые щечки... самая очаровательная пятилетняя девочка, какую только можно представить. Она вполне могла участвовать в детских конкурсах красоты.

– Тебе больно? – спросила она.

– Все нормально, – ответила я сквозь жгучие слезы, густо застилавшие глаза. Даже не знаю, отчего я плакала – оттого, что коленку разбила, или оттого, что все дети из моей группы смеялись надо мной.

– Нет, не нормально, – покачала она головой. – У тебя кровь идет. Дай помогу. – Она протянула руку и помогла мне встать. А потом повернулась и стала кричать на детей, что насмехались надо мной.

После этого она фактически назначила себя моим опекуном. Ни на минуту не выпускала меня из виду и берегла от беды. С того самого дня мы стали лучшими друзьями.

Конечно, все это случилось до того, как всех нас начали делить на «популярных» и «дурнушек». Кейси выросла и стала высоченной (почти 185 сантиметров – настоящая амазонка), стройной и очень красивой. Ну а я... у меня все было наоборот. Если взять и рассмотреть нас по отдельности, никто бы и не подумал, что мы лучшие подруги. Никто бы в жизни не догадался, что королева школьного бала дружит с толстой «серой мышью», что вечно стоит в углу и оттирает стены.

Но мы действительно дружили. Вместе мы прошли сквозь огонь, воду и медные трубы. Она была рядом даже в тот год, когда парень в первый раз – и, надеюсь, в последний – разбил мне сердце. Лишь благодаря ей я не отдалилась от всех и не погрязла в собственном несчастье. И хотя Кейси могла найти подруг гораздо симпатичнее, круче и популярнее меня, она этого не сделала.

Поэтому в среду вечером, когда она попросила меня подвезти ее домой после тренировки группы поддержки, я согласилась. Это меньшее, что я могла для нее сделать, учитывая, сколько раз она мне помогала за прошедшие двенадцать лет.

Я ждала в столовой, разглядывая психоделические сине-оранжевые стены (тот, кто выбирал цвета для школьных стен, явно сидел на тяжелой кислоте), и пыталась доделать работу по алгебре. Я уж собралась поразмышлять над старым, как мир, вопросом – в какой ситуации этот предмет может пригодиться в реальной жизни – как вдруг кто-то опустил руку мне на плечо. По коже тут же поползли мурашки, и я, не оглядываясь, поняла, кто стоит за спиной.

Супер. Только Уэсли тут не хватало.

Я дернулась и сбросила его руку, затем повернулась к нему, схватила карандаш, как дротик, и прицелилась прямо в его адамово яблоко.

Он даже не вздрогнул. Его серые глаза смотрели на карандаш с притворным любопытством.

– Интересно, – проговорил он, – это твой способ говорить «привет» парням, которые тебе нравятся?

– Ты мне не нравишься.

– Значит ли это, что ты в меня влюблена?

Как же мне был ненавистен его скользкий самоуверенный тон! Многим девчонкам он казался сексуальным, но на самом деле так вещали только назойливые прилипалы. При взгляде на Уэсли так и хотелось крикнуть: берегись изнасилования на свидании! Бррр.

– Это значит, что я терпеть тебя не могу, – огрызнулась я. – И если ты будешь и дальше ко мне лезть, донесу на тебя за сексуальные домогательства.

– Тяжело же тебе будет выиграть это дело, – задумчиво проговорил Уэсли, отобрал у меня карандаш и принялся крутить его между пальцев. – Особенно учитывая, что это ты меня поцеловала. По идее, это я могу обвинить тебя в домогательстве!

Я стиснула зубы – мне была противна одна мысль о том, что произошло. Я даже не стала напоминать ему, что, вообще-то, он не слишком сопротивлялся.

– Отдай карандаш, – процедила я.

– Даже не знаю, стоит ли, – отвечал он. – Ведь в твоих руках карандаш становится опасным оружием... как и стакан с вишневой коллой. Любопытный выбор, кстати. Мне-то всегда казалось, ты из тех, кто предпочитает спрайт – напиток... попроще.

В ответ я лишь злобно взглянула на Уэсли, надеясь, что он самовоспламенится под моим взглядом прежде, чем я успею собрать со стола свои учебники и тетрадки. Уходя, я попыталась наступить ему на ногу, но он увернулся и уставился мне вслед. Я быстро зашагала прочь по коридору. И уже была на полпути к спортивному залу, где Кейси – капитан команды поддержки – сейчас уже заканчивала тренировку... как он меня догнал.

– Да брось, жупа. Это же шутка была. Будь проще.

– Если шутка, то не смешная.

– Значит, тебе над чувством юмора надо поработать, – заметил Уэсли. – Обычно девчонки от моих шуток без ума.

– Видимо, те, у кого коэффициент интеллекта зашкаливает.

Он рассмеялся.

Видимо, у меня шутки смешные, в отличие от некоторых.

– Ты так и не сказала, из-за чего вчера расстроилась, – проговорил он. – Слишком увлеклась тем, что пихала язык мне в глотку. Что стряслось-то?

– Не твое... – начала было я, но осеклась. – Эй! Не было никакого языка! – Я заметила озорную улыбку на его губах, и меня пронизала ярость. – Ах ты сукин сын! Проваливай отсюда! Ты зачем меня преследуешь, а? Я думала, Уэсли Раш не бегаёт за девчонками, а они бегают за ним. Или я не права?

– Права. Это так, и я вовсе за тобой не бегаю, – ответил он, – а жду свою сестру. Она в классе у мистера Роллинза, контрольную пишет. Увидел тебя в столовой и...

– И что? Подумал – не помучить ли мне ее еще чуть-чуть? – Я сжала кулаки. – Оставь меня в покое, бога ради. И так из-за тебя одни несчастья.

– Это почему же? – удивленно спросил он.

Я не ответила. Не хотела, чтобы он знал, что дурацкое прозвище «жупа» не давало мне из-за него покоя. Знал и злорадствовал. Слишком уж большое ему удовольствие.

Вместо этого я взяла и рванула к спортивному залу как можно быстрее. На этот раз он не погнался за мной – к счастью. Я вошла в зал, тоже выкрашенный в сине-оранжевый (о боже, эти яркие цвета... у меня от них уже назревала мигрень), и села на ближайшую трибуну.

– Отлично поработали, девчонки! – услышала я голос Кейси на противоположном конце зала. – Следующий матч по баскетболу в пятницу. Учите танец, а ты, Викки, поработай над махами! Ясно?

Команда стройняшек согласно промяукала что-то в ответ.

– Отлично, – проговорила Кейси. – Пока, девчонки. Вперед, Пантеры!

– Вперед, Пантеры! – откликнулись чирлидерши и разошлись. Большинство направилось в раздевалку, но некоторые сразу пошли к выходу, оживленно переговариваясь.

Кейси вприпрыжку подбежала ко мне.

– Привет, Би! – воскликнула она. – Прости, что задержалась. Я переоденусь перед уходом? А то от меня воняет.

– А мне все равно, – буркнула я.

– Что-то не так? – Кейси тут же насторожилась.

– Ничего, Кейси. Иди переодевайся.

– Бьянка, я же вижу...

– Не хочу об этом говорить. – Еще не хватало ввязаться в очередную дискуссию о Уэсли. Наверняка же возьмется защищать его, как в прошлый раз. – У меня все в порядке, ясно? – сказала я уже не так резко. – Просто день выдался длинный.

Голова разболелась.

Но Кейси, кажется, мне не поверила и со скептическим видом направилась в раздевалку, уже не прыгая.

Потрясно. Я почувствовала себя настоящей гадиной. Она лишь хотела убедиться, что у меня все в порядке, а я оттолкнула ее. Не надо было вымещать на ней мою злость из-за Уэсли – хоть она и считает его принцем.

Но когда Кейси вышла из раздевалки, одетая уже в свою обычную толстовку с капюшоном и джинсы, она уже снова была веселой, как всегда. Повесила сумку на плечо и направилась к тому месту, где сидела я, с улыбкой на сияющем без единого прыщика лице.

– У меня иногда уши вянут от того, о чем девчонки говорят в раздевалке, – бросила она. – Готова, Би?

– Да. – Я взяла учебники и направилась к выходу из спортзала, надеясь, что Уэсли не поджидает меня в коридоре.

Кейси, видимо, заметила мое беспокойство. А я – напряженное и встревоженное выражение на ее лице. Но тему она больше не поднимала. А сказала вот что:

– Короче, Викки конкретно рискует прослыть потаскушкой.

– О ней и так все такого мнения.

– Ну да, – согласилась Кейси, – но на этот раз все еще хуже. Она встречается с парнем из футбольной команды – ну с этим десятиклассником, забыла как зовут. Но при этом пообещала одному баскетболисту из школы «Оак-Хилл», что пойдет с ним на бал в честь баскетбольного чемпионата! И зачем она так сама себя подставляет? А в день бала все раскроется! Хочу билеты в первый ряд на это представление! Кстати, ты что наденешь на танцы?

– Ничего.

– Круто, Би, но сомневаюсь, что тебя пустят голой. – На пути к парковке мы пошли через столовую и сейчас лавировали между столиками.

– Да нет, я имею в виду, что мы с Джессикой никуда не пойдём, – пояснила я.

– С какой это стати? Ещё как пойдёте, – запротестовала Кейси.

Я покачала головой.

– Джессика под домашним арестом. Я пообещала, что приду к ней и мы будем смотреть девчачьи фильмы.

Мы толкнули голубую дверь и вышли на холодную парковку для автомобилей школьников. Кейси, кажется, была в шоке.

– Но как же так? Ведь Джесс обожает бал в честь баскетбольного чемпионата. Это её любимый школьный бал после выпускного и танцев в честь футбольного чемпионата!

Я невольно улыбнулась.

– И бала Сэйди Хокинс.

– Но почему я об этом не знала? Бал уже скоро. Ты почему мне не сказала?

Я пожала плечами.

– Прости. Не думала, что это важно. А Джессика небось до сих пор расстроена. И просто не хочет вспоминать, что ей запретили.

– Но... но... с кем же мне теперь идти?

– С мальчиком, – предложила я. – Не думаю, что тебе так сложно будет найти пару, Кейс. – Я выудила ключи из заднего кармана и разблокировала двери машины.

- Да брось. Кто захочет идти с великаншей?

- Ты не великанша, Кейс.

- Ну а кроме того, - продолжала она, не обращая на меня внимания, - мне гораздо интереснее было бы с вами. - Она залезла на пассажирское сиденье и завернулась в одеяло, брошенное Джессикой пару дней назад. - Черт, Би. Починила бы ты эту чертову печку.

- А ты купила бы собственную машину.

Она сменила тему.

- Так, вернемся к балу. Если вы двое не пойдете... может, тогда мне завалиться на ваш домашний кинофестиваль? Закатим девичник. Давненько не устраивали.

Я улыбнулась, несмотря на плохое настроение. Кейси была права: мы давно уже не собирались, чтобы вместе посмотреть кино, и было бы здорово затусить вместе без парней и без громяющего техно. Может, хоть раз мне удастся хорошо провести время в пятницу вечером. И, потянувшись к регулятору громкости на приемнике, я проговорила:

- Значит, решено. На следующей неделе в пятницу!

6

Когда наконец наступила пятница - день нашего девичника - я уже предвкушала спокойный и приятный вечерок в обществе лучших подруг... и, разумеется, Джеймса МакЭвоя с его очаровательным шотландским акцентом. Я сунула в рюкзак диск «Джейн Остин» - рождественский подарок Джессики, еще почти новую пижаму (ну да, дома я сплю голой, что такого?) и зубную щетку. Кейси должна была принести попкорн, а Джесс пообещала каждой из нас по большой порции шоколадного мороженого с шоколадной прослойкой.

Можно подумать, у меня и так зад недостаточно толстый.

Но, разумеется, день просто не мог сложиться абсолютно идеально. Об этом позаботилась миссис Перкинс, моя учительница по английскому, во время четвертой пары.

– Вот о чем говорится в романе «Алая буква», [10 - The Scarlet Letter (англ.) – роман (1850) Натаниеля Готорна, первое американское произведение, которое вызвало громкий резонанс в Европе.] – подытожила она в конце урока, закрывая книгу. – Ну как, вам понравилось?

Раздалось невнятное бурчание – скорее неодобрительное, чем одобрительное – но миссис Перкинс, кажется, не заметила.

– Что ж, поскольку неподражаемое произведение Готорна не теряет актуальности и в наше время, я хочу, чтобы вы написали по нему доклад. – В классе раздались громкие вздохи, но она их проигнорировала. – Темой доклада может быть что угодно – персонаж, сцена, мотив произведения – но я хочу, чтобы доклад был очень хорошо продуман. Вы также будете работать в парах... – это сообщение было встречено радостными возгласами, – а партнеров вам я назначу сама. – Тут от радости не осталось и следа.

Когда миссис Перкинс достала журнал, я поняла, что дело плохо. Это означало, что пары она будет подбирать по алфавиту, а поскольку после «П» шла буква «Р», моим партнером неизбежно должен был оказаться...

– Бьянка Пайпер в паре с Уэсли Рашем.

Черт.

Я целых полторы недели умудрялась не сталкиваться с Уэсли – с того самого дня, как он домогался меня после школы. А миссис Перкинс взяла и все испортила.

Она закончила распределять нас по парам и проговорила:

– Рассчитываю, что доклады будут не меньше пяти страниц – двенадцатым шрифтом с двойными интервалами. Викки! Твои фокусы больше не пройдут! – Она добродушно рассмеялась. – И напарники должны работать вместе. Пусть это

будет совместное творчество. Проявите оригинальность, ребята! Надеюсь, вам понравится!

- Это вряд ли, - пробурчала я, обращаясь к Джессике, сидевшей за соседней партой.

- Ох, Бьянка, а по мне, так тебе повезло, - ответила она. - Если бы меня поставили в пару с Уэсли, я бы очень радовалась. Но мое сердце принадлежит Гаррисону. До чего ж несправедливо, что ему досталась Кейси! - Она покосилась через класс на парту, где сидела Кейси. - Она теперь наверняка побывает у него дома и в его комнате, и бог знает что еще! Думаешь, она скажет ему обо мне что-то хорошее, если я ее специально попрошу? Может, она мне дорожку проложит, как считаешь?

Я даже отвечать ей не стала.

- Срок сдачи докладов - через неделю! - объявила миссис Перкинс, пытаясь перекричать нашу болтовню. - Пожалуйста, займитесь ими в выходные.

Тут раздался звонок, и весь класс вскочил одновременно. Субтильная миссис Перкинс отошла в сторону, чтобы ее не затоптало бросившееся к выходу стадо. Мы с Джессикой влились в общий поток, а Кейси догнала нас уже в коридоре.

- Бред какой-то, - прошипела она. - Доклад ни о чем. Не хочу сама выбирать тему! Это учитель должен нам темы назначать! В чем смысл этого чертова задания, если она даже не сказала, о чем писать? Абсурд.

- Зато ты в паре с Гаррисоном, и...

- Прошу, Джесс, даже не заводи эту волынку. - Кейси закатила глаза. - Он гей. Ничего у вас не получится, понимаешь?

- Откуда ты знаешь? Значит, ты не будешь мне помогать?

- Давайте встретимся в столовой, - сказала я и повернула к своему шкафчику. - Мне надо взять кое-что.

– Ладно. – Кейс схватила Джессику за руку и потащила в другой коридор. – Встретимся у торговых автоматов, ладно, Би? Пойдем, Джесс. – И они оставили меня среди толпы. Ну, не совсем толпы, конечно. В «Хэмилтон Хай» училось всего четыреста человек, но сегодня, несмотря на небольшое число учеников, в коридорах было как-то особенно многолюдно. А может, у меня от нервов просто клаустрофобия разыгралась. Короче говоря, подружки ушли, бросив меня посреди этой толпы.

Проталкиваясь мимо горланящих дятлов из футбольной команды и милующихся парочек – целоваться на публике, боже, как отвратительно – я направилась в сторону кабинетов физики, химии и биологии. Через пару минут я уже стояла перед своим шкафчиком, который, как и вся эта чертова школа, был оранжево-синим. Набрав код, я открыла дверцу. За спиной пронеслась стайка чирлидерш с кличем «Вперед, Пантеры!»

Я взяла куртку и рюкзак и собиралась уже закрыть дверцу, как вдруг увидела его. По правде говоря, я ожидала, что он появится раньше.

– Ну что, жупа, теперь мы с тобой в одной упряжке.

Я захлопнула дверцу, треснув ею куда сильнее, чем следовало.

– К моему великому сожалению.

Уэсли заулыбался, провел рукой по темным вьющимся волосам и облокотился о дверцу соседнего шкафчика.

– Так куда пойдём, к тебе или ко мне?

– Что?

– Задание делать на выходные, – пояснил он, прищурившись. – Только не подумай ничего такого, жупа. Я за тобой не бегаю. Я просто прилежный ученик. Уэсли Раш не бегают за девочками. Они сами...

– ... бегают за ним. Да, да, я помню. – Я натянула куртку поверх футболки. – Если уж мне не отвертеться от этого задания, может, мы...

– Уэсли! – Незнакомая мне стройная брюнетка (скорее всего, десятиклассница) бросилась ему на шею, не обращая на меня ни малейшего внимания. Она тарасилась на него влюбленными глазами. – Потанцуй со мной сегодня на балу?

– Конечно, Меган, – ответил он и провел рукой по ее спине. Он был достаточно высокого роста и легко мог заглянуть ей под блузку. Извращенец. – Оставлю для тебя один танец, ладно?

– Правда?

– А когда я тебе врал?

– О, спасибо, Уэсли! – Он наклонился, она чмокнула его в щеку и упорхнула, даже не удостоив меня взглядом

Уэсли снова повернулся ко мне.

– Так что ты говорила?

– Я подумала, что, может, мы лучше пойдем ко мне, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

– А почему не ко мне? – спросил он. – Боишься, что у меня дома привидения водятся, жупа?

– Да нет, конечно. Просто работать я предпочитаю у себя. Откуда мне знать, какие болезни можно подхватить, ступив на порог твоей спальни. – Я покачала головой. – Поэтому давай лучше у меня. Завтра после обеда, скажем, в три. И позвони, когда будешь выходить из дома.

Ответа я ждать не стала. Не хочет приходить ко мне – так я возьму и сама напишу этот доклад. Нарочно не попрощавшись, я отвернулась и ушла. Лавируя между компашками шушукающихся девчонок, я поспешила в сторону столовой.

Кейси и Джессика ждали меня у старых торговых автоматов.

– Не понимаю, Кейс, – донеслись до меня слова Джессики. Она опустила доллар в щель единственного автомата, который еще работал, и подождала, пока выпадет ее фанта. – Разве ты не должна выступать на матче?

– Нет. Я сказала девчонкам, что сегодня не смогу, и мое место займет одна симпатичная новенькая со скамейки запасных. Она весь год мечтала выступать и знает танец, но в команде просто не было свободных мест. Так что они и без меня справятся.

Я подошла к ним вплотную, и только тогда Джессика меня заметила.

– А, вот и ты, Бьянка! Пошли отсюда! Ура! Девичник!

Кейси закатила глаза.

Джессика толкнула голубую дверь, ведущую на парковку, и, улыбаясь до ушей, проговорила:

– Вы лучше всех, девчонки. Seriously. Не знаю, что бы я без вас делала.

– Рыдала бы в подушку вечерами, – ответила Кейси.

– Нашла бы себе других подружек «лучше всех», – предложила я свой вариант, улыбнувшись в ответ. Ни за что не позволю Уэсли Рашу испортить себе настроение. Ну уж нет! Девичник – это святое, и придурок вроде него не способен омрачить нам вечер!

– Надеюсь, Джесс, ты про мороженое не забыла?

– Помню-помню. Шоколадное с шоколадной прослойкой.

Мы пересекли парковку и сели в мою машину. Джессика тут же завернулась в старое одеяло, а Кейси, дрожа от холода, с завистью покосилась на нее и пристегнула ремень. Я выжала газ, мы выехали со стоянки на шоссе и понеслись прочь от «Хэмилтон Хай», как сбежавшие заключенные от своих камер. Впрочем, отчасти так и было.

– Не могу поверить, что тебя не выдвинули в королевы бала, Кейси, – проворковала Джессика с заднего сиденья. – Я была уверена, что выдвинут!

– Не-а. Меня же выбрали королевой бала в честь футбольного чемпионата. А есть правило, что один и тот же человек не может выиграть два раза за год. Мне просто нельзя было участвовать. Скорее всего, королевой станет Викки или Анджела.

– А если одна из них выиграет, как думаешь, они поссорятся? – Кажется, Джессику всерьез беспокоил этот вопрос.

– Вряд ли, – ответила Кейси. – Анджеле вообще плевать на такие вещи. Это Викки любит во всем быть первой. Ох, как же я ждала сегодняшнего представления с ее ухажерами! Кстати, я вам говорила, что Викки и с Уэсли Рашем тоже хочет замутить?

– Не может быть! – хором воскликнули мы с Джессикой.

– Может! – закивала Кейси. – Не пойму, то ли она хочет, чтобы ее парень приревновал, то ли еще что. Встречается со своим десятиклассником, на бал идет с парнем из школы «Оак-Хилл», а еще всем уши прожужжала, что ей нравится Уэсли. Якобы после вечеринки они с ним что-то замутили – парень ее об этом пока ничего не знает – и она думает, не повторить ли это еще разок! Мол, было потрясающе.

– Неужели он с ней переспал? – ахнула Джессика.

– Он спит с кем ни попадя, – сказала я, сворачивая на Пятую улицу. – Если у тебя есть вагина, считай, ты в его списке.

– Фу! Бьянка! – взвизгнула Джессика. – Не говори это... слово. На букву «в».

– Вагина, вагина, вагина, – нараспев проговорила Кейси. – Да брось ты, Джесс. У тебя тоже она есть. Называй вещи своими именами.

Щеки у Джессики покраснели, как помидоры.

- Но необязательно об этом разговаривать. Это грубо и... слишком личное.

Не обращая на нее внимания, Кейси повернулась ко мне.

- Да, он бабник, но он сексуален, этого у него не отнять. Даже ты должна это признать, Би. Спорим, в постели он великолепен. Ты же с ним целовалась. Скажи, он супер? И можно ли винить Викки в том, что она хочет с ним замутить?

- Ты целовалась с Уэсли? - Джессика чуть не подавилась от волнения. - Как? Когда? Почему мне не сказала?

Я бросила на Кейси гневный взгляд.

- Ей стыдно, - объяснила Кейси, взъерошив на затылке свои короткие волосы. - И это глупо, потому что, ставлю что угодно, целоваться с ним было круто.

- Ничего не круто, - возразила я.

- Он хорошо целуется? - спросила Джессика. - Скажи, скажи, скажи! Как же хочется узнать!

- Если очень хочется, знай: хорошо. Но это не делает его менее отвратительным.

- Но все же, - вмешалась Кейси, - учитывая твой опыт, ответь на мой последний вопрос. Можно ли винить Викки в том, что она хочет с ним замутить?

- А зачем ее винить, - я включила поворотник, - она сама себе локти кусать будет, когда подхватит от него венерическое заболевание... или когда ее парень обо всем узнает. Интересно, что случится первым?

- И именно поэтому я хотела пойти на бал, - вздохнула Кейси. - Увидели бы все своими глазами... это же как новая серия «Сплетницы», но только действие происходит в нашей школе. Парень Викки разозлился и планирует отомстить, а его неверная подружка тем временем развлекается с самым потрясным красавчиком в школе... а Бьянка, скрывая свою тайную любовь к Уэсли, дуется и притворяется, что ненавидит его, а на самом деле мечтает о том, чтобы их суперсексуальный поцелуй повторился!

Челюсть у меня так и отвисла.

- Ни о чем таком я не мечтаю!

Джессика на заднем сиденье прыснула со смеху, а когда я, нахмурившись, взглянула на нее в зеркало заднего вида, закрыла рот своим длинным хвостом.

- Ой, ну ладно, - вздохнула Кейси. - Наверняка мы обо всем узнаем в понедельник.

- Или завтра, если история действительно интересная, - заметила Джессика. - Анджела и Жанин не умеют держать сплетни при себе. Если там что-то из ряда вон, нам непременно позвонят и доложат, что мы пропустили. Уверена, так и будет. - Она улыбнулась. - Надеюсь, нам все расскажут в подробностях. Поверить не могу, что не пошла на последний бал в честь баскетбольного чемпионата!

- Ты не одна на него не пошла, Джесс.

Я свернула на Холбрук-лейн и через несколько секунд подъехала к дому Гейтеров. Вытащила ключи из зажигания и провозгласила:

- Итак, объявляю начало девичника!

- Ура! - Джессика выпрыгнула из машины и протанцевала к крыльцу. Толкнула входную дверь, и мы с Кейси вслед за ней вошли в дом, улыбаясь и качая головами.

Я сняла куртку и повесила ее на крючок у двери. У Джессики был образцовый дом - чистый, аккуратный, с ботиночками в ряд у входной двери. Ее родители любили порядок. Кейси тоже повесила свою куртку и сказала:

- Вот бы моя мама так в доме убиралась. Или хотя бы наняла уборщицу. У нас не дом, а помойка.

Наш дом тоже нельзя было назвать оазисом чистоты. Мама любовью к порядку никогда не отличалась, а папа считал, что уборку нужно делать раз в год – по весне. Так что в доме Пайперов убирались нечасто. Мы только стирали, мыли посуду и периодически вытирали пыль и пылесосили – и то обычно я.

– А когда родители придут, Джесс? – спросила я.

– Мама в полшестого, а папа после шести. – Она ждала нас у лестницы, чтобы мы все вместе поднялись к ней в комнату. – У папы сегодня новый пациент, и он, наверное, задержится.

Мистер Гейтер работал психотерапевтом. Кейси не раз грозилась попросить его поработать со мной бесплатно. Чтобы он помог мне с моими «тараканами». Не то чтобы у меня их было так много... Но Кейси считала, что причина моего цинизма кроется во внутреннем конфликте. Я же придерживалась иного мнения: что все умные люди циничны. Что до Джессики... Джессика отмалчивалась. Хотя мы обсуждали это лишь в шутку, она всегда немного смущалась, когда мы поднимали эту тему. Видимо, наслушалась от папы всякого психотерапевтического мозговтирательства и действительно думала, что мое негативное отношение к жизни объясняется внутренним конфликтом.

Сама Джессика терпеть не могла негативное отношение к жизни. Она ненавидела его до такой степени, что даже не говорила об этом вслух. Ведь это тоже было бы проявлением негатива.

– Скорее, скорее! Что вы там копаетесь?

– Вечеринка начинается! – провозгласила Кейси и промчалась мимо Джессики вверх по лестнице.

Джессика захихикала и попыталась догнать Кейси, но я задержалась и поднялась по лестнице не спеша. На самом верху я услышала, как подружки смеются и болтают в комнате в самом конце коридора, но я туда не пошла. Кое-что еще привлекло мое внимание.

Дверь в первую спальню слева от меня была широко открыта. Мой разум велел мне пройти мимо, но ноги не слушались. Я стояла у распахнутой двери, приказывая себе отвести взгляд, но тело не слушалось.

Заправленная кровать без единой складочки, темно-синее покрывало. Все стены увешаны постерами с супергероями. Черная лампа над изголовьем. Все в комнате осталось таким, как я помнила, только грязная одежда не валялась на полу. Открытый шкаф был пуст, а календарь с Человеком-Пауком, висевший над компьютерным столом, убрали. Но в комнате все еще чувствовалось человеческое присутствие, будто он все еще был там. А мне по-прежнему было четырнадцать.

- Джейк, я не понимаю. Что это за девчонка?

- Не беспокойся. Она ничего для меня не значит.

- Но...

- Тихо, тихо. Ерунда все это.

- Я люблю тебя, Джейк. Не лги мне!

- Не стану.

- Обещаешь?

- Обещаю. Неужели ты думаешь, что я могу сделать тебе больно, Би...

- Бьянка! Ты куда подевалась?

Услышав голос Кейси, я вздрогнула и быстро вышла из спальни и закрыла дверь. Но знала, что, вставая ночью в туалет, не смогу пройти мимо.

- Иду! - Я постаралась ответить нормальным голосом. - Господи, хоть раз в жизни можете потерпеть?

И с вымученной улыбкой я пошла смотреть кино с подругами.

Немного поразмыслив, я решила, что быть жупой не так уж плохо.

Преимущество номер один: не надо беспокоиться о том, какая у тебя прическа или макияж.

Преимущество номер два: не надо казаться крутой – никто на тебя не смотрит.

Преимущество номер три: никаких проблем с парнями.

Я осознала третье преимущество, когда мы смотрели «Искупление» в комнате Джессики. В этом фильме бедняжке Кире Найтли приходится пережить адскую трагедию в отношениях с Джеймсом МакЭвоем, а вот если бы она была дурнушкой, он бы даже не посмотрел в ее сторону. И не было бы никаких разбитых сердец. Все же знают, что старая песенка про «лучше любить и потерять любовь...» – полная ерунда.

И это не единственный фильм, к которому применима моя теория. Сами подумайте. Будь Кейт Уинслет гадким утенком, Леонардо ДиКаприо ни за что не стал бы увиваться за ней в «Титанике», и сколько слез мы бы тогда сэкономили! А если бы Николь Кидман в «Холодной горе»[11 - Cold Mountain (англ.) – военная драма (2003, США).] была уродиной, ей не надо было бы волноваться о Джуде Лоу, когда тот ушел на войну. И этот список можно продолжать до бесконечности.

Всю жизнь я была свидетелем того, как мои подруги страдают из-за парней. Обычно отношения заканчиваются одинаково: слезами (в случае с Джессикой) или криком (в случае с Кейси). У меня лишь однажды была несчастная любовь, но мне хватило. Поэтому во время просмотра «Искупления» я поняла, что должна бога благодарить за то, что не красотка. Ох, и жалкое я, наверное, зрелище со своими теориями!

К сожалению, моя непривлекательность не спасла меня от семейной драмы.

На следующий день я пришла домой где-то в половине второго. После «ночевки» у Джессики – ведь мы не спали всю ночь – и глаза у меня слипались. Но когда я

увидела, в каком состоянии был наш дом, сон как рукой сняло. На полу гостиной сверкали осколки стекла, кофейный столик был перевернут, как будто кто-то толкнул его ногой, а по всей комнате раскиданы пустые пивные бутылки. Я не сразу даже сообразила, что к чему. Замерла на пороге и сначала подумала, что нас ограбили. Но потом услышала из папиной комнаты громкий храп и поняла, что все гораздо хуже.

Мы жили не в образцовом доме, поэтому при входе не всегда снимали ботинки. Но сегодня снимать их было даже опасно. Стекло хрустело под ногами, пока я шла на кухню за мусорным мешком – без него разгрести этот хаос было бы невозможно. Осколки, по-видимому, были от нескольких разбитых рамок с фотографиями.

Шагая по дому, я чувствовала странное оцепенение. По идее, я должна была испугаться. Папа почти восемнадцать лет не пил, а пивные бутылки ясно свидетельствовали о том, что он сорвался. Но я ничего не чувствовала. Может, потому что не знала, как ощущать себя в такой ситуации. Что же такого ужасного произошло, что он после стольких лет не выдержал?

Ответ на мой вопрос лежал на кухонном столе, аккуратно упакованный в конверт из коричневой бумаги.

– Документы на развод, – пробормотала я, изучив содержимое открытого конверта. – Какого черта? – Я в шоке уставилась на витиеватую подпись своей матери. Ну да, я понимала, что конец неизбежен – когда твоя мать исчезает на два с лишним месяца, невольно возникают подозрения – но сейчас? Она что, серьезно? Ведь она даже не позвонила и не предупредила меня! А раз на то пошло, и папу.

– Проклятье, – прошептала я. Руки дрожали. Папа ни о чем не подозревал. Боже, неудивительно, что он сорвался! Как мама могла так поступить? С нами обоими.

Пропади все пропадом. Нет, правда. Пропади она пропадом.

Я отбросила конверт и направилась к шкафчику, где мы хранили все для уборки. Слезы наворачивались на глаза, но я сопротивлялась. Я взяла мусорный мешок и вернулась в разгромленную гостиную.

Я потянулась за пустой пивной бутылкой, и тут все навалилось разом, и к горлу подкатил комок.

Мама не вернется. Папа снова запил. А я... я в буквальном смысле разгребаю обломки. Собирая самые крупные осколки стекла и пустые бутылки в мешок, я старалась не думать о матери. О том, что сейчас она, наверное, уже покрылась ровным загаром. И, вероятно, завела себе симпатичного двадцатидвухлетнего любовника-латиноса. А еще я старалась не думать о ее красивой подписи, которой она подмахнула бумаги на развод.

Я злилась на нее. Очень злилась. Как она могла так поступить? Просто взять и отправить документы по почте. Даже не приехав домой и не предупредив нас. Разве она не знала, как папа на это отреагирует? А обо мне, наверное, вообще не подумала. И правда, зачем звонить, чтобы заранее меня подготовить, смягчить почву перед падением?

В тот самый момент, перешагивая через осколки в гостиной, я решила, что ненавижу свою мать. Ненавижу за то, что ее вечно не было дома. За то, что обрушила нам на голову новость о разводе. За то, что причинила боль папе.

Я тащила мешок с разбитыми фоторамками на кухню и думала о том, удалось ли отцу таким образом избавиться от воспоминаний – стереть из памяти все, что было изображено на общих фотографиях. Видимо, нет. И поэтому он обратился к бутылке. А когда даже алкоголь не помог избавиться от мыслей о маме, в припадке пьяного безумия принялся громить комнату.

Я никогда не видела отца пьяным, но знала, почему он бросил пить. Как-то раз в детстве я слышала, как они с мамой это обсуждали. Когда отец напивался, он становился неуправляемым. Настолько, что однажды мама испугалась и стала умолять его, чтобы он бросил. Видимо, это и объясняло опрокинутый кофейный столик.

Но мне было трудно даже представить отца в подпитии. По правде говоря, я никогда даже не слышала, чтобы он ругался – за исключением слова «черт». Неуправляемый? Вообразить это было невозможно.

Я также надеялась, что он не порезался о стекло. И не винила его ни в чем. Во всем была виновата мать. Это она довела его до такого состояния. Ушла,

исчезла, а потом – бац! – огорошила его без звонка, без предупреждения. Если бы не эти дурацкие документы, он никогда бы не сорвался. Все было бы в порядке! Смотрел бы сейчас телевизор и читал местную газету, как всегда по воскресеньям. А не отсыпался бы после попойки.

Поднимая опрокинутый кофейный столик и убирая мелкие осколки пылесосом, я приказывала себе не плакать. Мне нельзя было плакать. А если бы я и заплакала, то не из-за развода родителей. Тоже мне удивительная новость. И не из-за того, что скучала по маме. Слишком уж долго она отсутствовала. Я бы не оплакивала свою семью, какой она была когда-то. Моя жизнь меня вполне устраивала: мне нравилось, что мы с папой вдвоем. Нет. Если бы я и заплакала, то от злости, от страха, а может, по другим, совершенно эгоистичным причинам. Я бы заплакала из-за того, что все это означало для меня. Ведь теперь мне придется стать взрослой. Именно мне придется заботиться о папе. Но я не могла быть такой же эгоисткой, как мать, которая теперь жила, как звезда в Орандж-Каунти, поэтому слезы пришлось отменить.

Только я откатила пылесос в чулан, как зазвонил телефон.

– Алло? – проговорила я в трубку.

– Привет, жупа.

Ох, черт. Я и забыла, что мы с Уэсли должны делать этот дурацкий доклад! Если кого мне не хотелось видеть сегодня, так это его. День обещал стать еще хуже.

– Уже почти три, – сказал он. – Я готов выезжать к тебе. Ты же просила позвонить перед выходом... А я, знаешь ли, вежливый.

– Ты даже не понимаешь, что значит это слово, – я бросила взгляд в конец коридора, откуда доносился отцовский храп. Гостиная уже не напоминала поле боя, но в ней по-прежнему царил беспорядок, и кто знает, в каком настроении будет папа, когда проснется? Точно не в хорошем. А я даже не знала, что ему сказать.

– Знаешь что, я тут подумала, и, пожалуй, лучше встретимся у тебя. Буду через двадцать минут.

* * *

В каждом маленьком городке есть такой дом. Он настолько хорош, что просто не вписывается в окружающую обстановку. настолько роскошен, что кажется, будто его хозяева хвастаются своим богатством. В каждом городке мира есть один такой дом, и в Хэмилтоне это был дом семьи Раш.

Не знаю, можно ли было назвать его особняком, но у него было три этажа и два балкона. Балконы, представляете? Я миллион раз заглядывалась на этот дом, проезжая мимо, но никогда не думала, что окажусь внутри. И в любой другой день даже бы обрадовалась, что мне выпал шанс увидеть дом (хотя, конечно, в жизни бы никому в этом не призналась). Но сегодня все мысли были о документах на развод на кухонном столе, а меня переполняли печаль и беспокойство.

На пороге меня встретил Уэсли с раздражающе самонадеянной ухмылкой на лице. Он стоял, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на широкой груди. На нем была темно-синяя рубашка с закатанными до локтей рукавами. И конечно же, верхние пуговицы он оставил расстегнутыми.

– Привет, жупа.

Знал ли он о том, как обидно мне слышать это прозвище? Я взглянула на дорожку, ведущую к дому – кроме моего «Сатурна» и его «Порше», машин на ней не было.

– Где твои родители? – спросила я.

– Уехали, – ответил он и подмигнул мне. – Сегодня только мы с тобой.

Я презрительно закатила глаза, прошла мимо него и оказалась в просторном холле. Аккуратно поставив обувь в уголок, повернулась к Уэсли. Тот без особого интереса наблюдал за мной.

– Давай поскорее все сделаем и закончим с этим.

– А ты разве не хочешь, чтобы я показал тебе дом?

- Не особо.

Уэсли пожал плечами.

- Тебе же хуже. Пойдем. - Он провел меня в громадную гостиную - размером почти с нашу школьную столовую. Потолок поддерживали две большие колонны, а в комнате стояли три бежевых дивана и два одинаковых двухместных диванчика. На одной стене висел гигантский плоский телевизор, а с противоположной стороны разместился огромный камин. Январское солнце проникало сквозь окна от пола до потолка, и естественный свет создавал радостное настроение. Но Уэсли повернулся и пошел вверх по лестнице, уводя меня из этой чудесной комнаты.

- Ты куда? - спросила я.

Он посмотрел на меня через плечо и раздраженно вздохнул.

- В свою комнату, куда же еще.

- А мы не можем написать доклад здесь? - попросила я.

Уголки его губ поползли вверх. Он подцепил пальцами ремень.

- Можем, жупа, но будет гораздо быстрее, если я стану печатать, а мой компьютер наверху. Ты же сама сказала, что хочешь поскорее закончить.

Я застонала и принялась подниматься по лестнице.

- Ладно.

Комната Уэсли находилась на верхнем этаже - это была одна из двух комнат с балконом. Она оказалась больше нашей гостиной. Двухспальная кровать была не прибрана, а на полу вокруг игровой приставки, подключенной к большому телевизору, валялись диски с играми. Что удивительно, пахло в комнате приятно - смесью одеколona Burberry и чистой одежды, как будто Уэсли только что убрал в шкаф белье из стирки. Книжная полка, к которой он подошел, была заполнена

книгами самых разных авторов: от Джеймса Паттерсона до Генри Филдинга.

Уэсли склонился над книжной полкой, и я отвела глаза от его обтянутой джинсами пятой точки. Достав «Алую букву», он плюхнулся на кровать и жестом пригласил меня сесть рядом. Я неохотно присоединилась к нему.

– Так, – он рассеянно пролистал книгу в твердой обложке, – о чем будет наш доклад? Идеи есть?

– Я не...

– Я вот подумал: может быть, сделаем анализ главной героини, Эстер? Звучит банально, но можно действительно тщательно проанализировать персонаж. Зачем она вообще изменила мужу? Почему переспала с Димсдейлом? Любила ли она его или ей просто хотелось секса?

Я закатила глаза.

– О боже, ну разве можно так все упрощать? Персонаж Эстер гораздо сложнее. У тебя совсем воображения нет, если «любовь» и «секс» для тебя – единственные варианты.

Уэсли взглянул на меня, вскинув бровь.

– Хорошо, – медленно проговорил он, – раз ты такая умная, скажи мне: зачем она это сделала? Ну давай, просвети меня.

– Чтобы отвлечься от забот.

Возможно, мой ответ был слишком притянутым за уши, но я все еще видела перед собой этот чертов конверт с документами. И думала о матери, проклятой эгоистке. Каково было отцу, когда он впервые за восемнадцать лет взялся за бутылку? Ум хватался за что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей, причинявших боль. Так почему бы не предположить, что Эстер чувствовала то же самое? Она страдала от одиночества, ее окружали лицемерные пуритане, и вышла она за противного англичанина, которого к тому же вечно не бывало дома.

– Она просто хотела отвлечься от своей дерьмовой жизни, – продолжала я. – Найти отдушину...

– Ну если так, не повезло ей. Ведь в конце все вышло боком.

Я его не слушала. В мыслях возник тот вечер совсем недавно – вечер, когда я нашла способ забыть о тревогах. Я хорошо помнила то чувство, когда суета в голове затихла и физические ощущения вышли на передний план. Я помнила блаженство пустоты. Даже после того, как все закончилось, я могла думать лишь о том, что сделала; другие проблемы просто перестали существовать.

– ...и, наверное, смысл в этом есть. Под таким углом «Алую букву» точно никто еще не рассматривал, а Перкинс любит креативный подход. Можем и высший балл заработать. – Уэсли повернулся ко мне, и лицо его стало встревоженным.

– Жупа, с тобой все в порядке? Уставилась в никуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kodi-keplinger/prostushka/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В США старшая школа – это обычно классы с 9 по 12 или с 10 по 12-й. Учащихся в 9 классе называют «первокурсниками», в 10-м – «второкурсниками» и так далее. Таким образом, первый год в старшей школе – это 9 или 10 класс (в зависимости от штата).

2

Автомобиль компании «Дженерал Моторс».

3

В американских школах это бал, на который девочки приглашают мальчиков. Назван так в честь героини комиксов Эла Каппа Сэйди Хокинс – дочери одного из первых поселенцев вымышленного городка, которой надоело ждать, когда ей сделают предложение. Она предложила устроить забег между незамужними девушками и холостяками: если девушка обгоняла парня, тот должен был на ней жениться.

4

Atonement (англ.) – кинодрама (2007) по одноименному бестселлеру Иена Макьюена с участием Киры Найтли и Джеймса МакЭвоя.

5

В американских школах – политологический курс, в ходе которого изучают государственное устройство США, законодательные и исполнительные органы и их взаимодействие, политические институты, организацию выборов, политическую культуру и гражданские права.

6

Clueless (англ.) – школьная комедия (1995, США).

7

Игра слов: Би, сокращенное имя героини, и Вее (англ.) – пчела.

8

Имеется в виду сериал «Одинокое сердце» (Orange County, 2003–2007, США).

9

Family Ties (1982–1989, США) – американский ситком, состоящий из 7 сезонов и выходивший на канале NBC. Сериал рассказывает о жизни обычной американской семьи.

10

The Scarlet Letter (англ.) – роман (1850) Натаниеля Готорна, первое американское произведение, которое вызвало громкий резонанс в Европе.

11

Cold Mountain (англ.) – военная драма (2003, США).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/kodi-keplinger/prostushka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)